

с 595 сем.
П-15а.

Арх. 104386/1897

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ на 1897 г.

съ картою области.

СОСТАВЛЕНА

И. д. Секретаря Семипалатинского Областного Статистического Комитета

В. Л. Никитины лъ.

Издание Семипалатинского Областного Статистического
Комитета.

СЕМПАЛАТИНСКЪ.

ТИПОГРАФІЯ СЕМИПАЛ. ОБЛ. ПРАВЛ.

1897.

ф. 91336

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ

СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Мѣстность, занимаемая нынѣ Семипалатинской областью, въ прошломъ была частью могущественнаго Джунгарскаго царства. Джунгары, извѣстные болѣе подъ именемъ Калмыковъ, явились въ здѣшнихъ мѣстахъ еще въ XIII столѣтіи, а въ XVII вѣкѣ и въ началѣ XVIII-го Джунгарское царство достигло наибольшаго могущества. Предѣлы этого царства къ тому времени простирались отъ Аральскаго моря и западныхъ границъ нынѣшняго Туркестана вплоть до низовьевъ рѣки Кобдо и далѣе до Улангтома, по Кэму и Кэмчику, а на сѣверѣ до Алтая и р. Иртыша (1).

Жители царства вели частью осѣдлую жизнь, частью кочевую. Осѣдлое населеніе, состоявшее изъ бухарцевъ, занимало часть государства къ востоку и къ югу отъ Тянь-Шаня, гдѣ насчитывалось до 12 большихъ городовъ; самые извѣстные изъ нихъ: Яркендъ и Турфанъ, при чемъ первый славился лучшими хлопчато-бумажными тканями, которыя въ Сибири расходились подъ названіемъ иркентскихъ товаровъ (иркетчины). Кроме того, съ 1723 года въ западномъ Туркестанѣ Джунгарскому хану были подвластны города: Ташкентъ, Туркестанъ, Сайрамъ и другіе. Столицею главы государства былъ городъ на рѣкѣ Или, подъ названіемъ Ка-

бу-Хлинякъ-Баку, въ которомъ ханъ жилъ лишь зимою, а лѣтомъ кочевалъ при подошвѣ Ханъ-Тенгри, по рѣкамъ Албану, Шибурѣ и Текесу.

Страна къ сѣверу отъ Тянь-Шаня населена была кочевыми калмыками. Кочевья ихъ доходили до озера Норъ-Зайсана и шли далѣе до рѣкъ Джулдуса и Таласа.

По сѣвернымъ скатамъ Тарбагатая и въ равнинахъ Зайсана до вершинъ р. Иртыша кочевало племя Дурбетъ и Обитъ, подъ управленіемъ нойоновъ: Даваца и Амурсана; на рѣкѣ Карабуга-Базаръ оттокъ (волость) Эки-Манганъ; по хребту Заиръ (Сауръ-тау) жила небольшая часть торгоутовъ; на озерѣ Улункоръ и при сѣверной подошвѣ Ирень-Хобарга кочевали поколѣнія Ходамы и Абягосы, подъ управленіемъ нойона Сентеня; на р. Бороталъ оттоки Коточинеръ и Гальитъ; по рѣкамъ Кумели-Хопоты и Башъ-Загинъ (къ сѣверу отъ Лепсы) между рѣками Исурга и Цаганъ-усу (Сарканъ и Аксу), оттокъ Хонтъ; по Караталу и Кокъ-су до 4000 кибитокъ торгоутовъ, подъ управленіемъ нойона Саишъ-Белека; при рѣкѣ Талки до 1000 кибитокъ рода Хантъ; по рѣкѣ Царимъ-Царъ оттокъ Цаганъ; въ долинѣ рѣки Целикъ (Чиликъ) оттокъ Харачинъ; въ урочищѣ Шари-Белъ оттокъ Долотъ; въ долинѣ рѣкъ Пой и Таласа торгоуты и минганы; въ долинѣ рѣки Джулдусъ поколѣнія Хахусы и Шарусы (2).

Государство это не смотря на воинственность своего населенія, на присутствіе въ его составѣ вѣчно неспокойныхъ, полудикихъ ордъ, отличалось земледѣліемъ и культурою. Земледѣліе было распространено не только около ихъ городовъ, но и въ каждомъ болѣе или менѣе подходящемъ оазисѣ; остатки ирригации и историческія свидѣтельства подтверждаютъ это. Байковъ, ѣздившій въ 1654 г. изъ Тобольска въ Пекинъ, заявляетъ, что во владѣніяхъ Канъ-Тайши, джунгарскаго князя Батура, отца знаменитаго Галдана, онъ

встрѣтить земледѣліе, а въ Контайшиномъ городѣ— „каменные палаты, а живутъ въ томъ городѣ ламы, да пашенные бухарцы“. (3).

На западъ и сѣверо-западъ отъ Джунгарь обитали киргизъ-казачьи орды. Вопросъ о происхожденіи и первоначальной участи этихъ орды или народа, подъ названіемъ казацкаго, крайне запутанный.

Подъ *казаками* издавна разумѣлись у средне-азиатскихъ народовъ безпріютные бѣглецы, которые, по самому свойству кочеваго быта, при сліяніи своемъ въ политическій союзъ или народность, могли войти въ такой союзъ не отдѣльными личностями, а цѣлыми родами, подкладами, или, по крайней мѣрѣ, аулами со стадами, юртами и табунами, почему народъ, составленный изъ смѣси различныхъ народностей какъ монгольской, такъ и кавказской расы и обитавшей на западъ и сѣверо-западъ отъ Джунгаріи, назывался „казаками“ (4). Русскіе при завоеваніи юго-западной части Сибири, столкнувшись съ народомъ, называвшимъ себя „казакъ“, окрестили его въ киргизъ, т. е. дали ему имя другого народа „*киргизъ*“, извѣстнаго нынѣ подъ именемъ каракиргизъ или дикокаменныхъ киргизовъ. (*)

Причины того, что казачьи орды получили отъ русскихъ имя другого народа указаны Левшинымъ, онъ говоритъ:**) „набѣги и грабежи древнихъ или подлинныхъ киргизовъ на Сибирскіе города и селенія сдѣлали имя ихъ столь страшнымъ и ненавистнымъ, что Россіяне, вмѣсто брани дали оное и казачьимъ ордамъ, которыя послѣ киргизовъ наиболѣе дѣлали вреда южнымъ областямъ Сибири, какъ по частымъ нечаяннымъ

*) Историческія свѣдѣнія о подлинныхъ киргизахъ см. приложение № 1.

**) Левшинъ. Описаніе киргизъ-кайсацкихъ орды и степей Спб., 1832 г. часть 2. стр. 21.

нападеніямъ, такъ и по множеству своему и по совершенной независимости отъ Россіи“. Съ другой стороны на измѣненіе названія этого народа побудило русскихъ и то, что сами завоеватели Сибири носили имя казаковъ. По всему этому орды, которыя въ русскихъ лѣтописяхъ XVI и XVII столѣтій не имѣютъ другаго названія, кромѣ орды *казачьихъ*, въ дополненіе къ собственному своему имени *казакъ*, получили прилагательное *киргизъ*; изъ чего сначала вышло *киргизъ-казакъ*, потомъ *киргизъ-касакъ* и наконецъ *киргизъ-кайсакъ*, (5) т. е. имя народа, который въ настоящее время кочуетъ по необозримымъ пространствамъ отъ истоковъ Иртыша до Каспійскаго моря и отъ средне-азіатскихъ ханствъ до средняго теченія Иртыша, Ишимскихъ степей и южныхъ склоновъ Уральскихъ горъ.

Киргизъ-кайсаки до сего времени кочевники и большинство ихъ тюркскаго происхожденія. Они распадутся на три большихъ отдѣла или орды, называемыхъ самими киргизами—„*джюсъ*“, изъ коихъ большая орда—„*Улу-джюсъ*“ (большая сотня)—кочуетъ по преимуществу въ Семирѣчьи и Туркестанѣ, малая—„*Кичи-джюсъ*“ (малая сотня)—кочуетъ по преимуществу въ западной степи, а средняя—„*Орта-джюсъ*“ (средняя сотня)—въ Семипалатинской и Акмолинской областяхъ.

Средняя орда состоитъ изъ племенъ: *аргынъ*, *найманъ*, *кыпчакъ*, *кирэй* и *конгратъ*, при чемъ въ Семипалатинской области кочуютъ по преимуществу лишь нѣкоторые роды племенъ найманъ и кирэй, племена же кыпчакъ—въ сѣверо-западной части степи, по р.р. Турчаю, Убагану, Тоболу и Ую, а конгратъ—около Ташкента; племя аргынъ—встрѣчается и въ Туркестанѣ и по рѣкамъ Иртышу, Тоболу и Ишиму и распадается на роды: *кара-кезекъ*, *шарджитимъ*, *джанджаръ*, *тэртъ-хунъ*, *атыгай*, *алтай*, *тербинъ*, *табакты*, *борты*,

карпакъ, базэитинъ, агышъ-калкканамъ, канджигалы, косуганъ и къкъ-шалъ. *) (6).

Киргизъ-кайсаки или правильнѣе *казаки* являются въ исторіи весьма поздно, а именно у нѣкоторыхъ восточныхъ историковъ со второй половины XV в., а въ русскихъ лѣтописяхъ и у нѣкоторыхъ западныхъ писателей, какъ напр. у Герберштейна и Дженкинсона въ XVI вѣкѣ. Время происхожденія казацкаго или киргизъ-кайсацкаго народа г. Вельяминовъ-Зерновъ опредѣляетъ во второй половинѣ XV вѣка, а именно около 1465 г. Въ то время надъ Узбеками, занимавшими весь Дешти-Кипчакъ (т. е. страну нынѣ занимаемую Тургайскою, Уральскою и Акмолинскою областями), властвовалъ ханъ Абуль-хаиръ; отъ его притѣсненій два Джучидскихъ султана, братья Гирей и Джанибекъ (сыновья Баракъ-хана и правнуки Урусъ-хана), бѣжали въ Западный Моголистанъ. Владѣтель Моголистана Иса-буга-ханъ (потомокъ извѣстнаго Тоглукъ-Тимуръ-хана) принялъ бѣглецовъ ласково и отвелъ имъ для жительства нѣсколько своихъ областей.

*) Какъ время, такъ и причины раздѣленія киргизъ-кайсаковъ на три орды не извѣстно. Левшинъ въ описаніи киргизъ-кайсацкихъ ордъ предполагаетъ (по изданію 1832 г. стр. 65), что раздѣленіе это произошло вслѣдствіе того, что, „будто-бы одинъ изъ сильныхъ хановъ Казакскихъ раздѣлилъ весь свой народъ между тремя сыновьями, и что удѣлъ старшаго названъ *Большою ордою*; удѣлъ втораго *среднею*; а удѣлъ младшаго *меньшею*“. Семеновъ же говоритъ (геогр.-стат. слов. т. II стр. 590): „Раздѣленіе кайсаковъ на три орды произошло, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ этомъ періодѣ (т. е. въ періодъ владѣнія Туркестаномъ съ 1598 по 1723 годъ) и вѣроятно было обусловлено владычествомъ надъ Ташкентомъ, такъ какъ *Средняя орда* образовалась изъ областей Ташкента и Туркестана, къ с.-зап. отъ нея въ Дешти-кипчакѣ образовалась *Малая*, а къ с.-в. въ зап. Моголистанѣ — *Большая*“.

По смерти же Абуль-хаира многие изъ его подданныхъ прикочевали къ Гирею и Джанибеку, у которыхъ къ этому времени и безъ того было много народу; въ составъ его вошло не мало чуждыхъ Узбекамъ, разноплеменныхъ и разноименныхъ родовъ, откочевавшихъ по какимъ либо причинамъ отъ своихъ соплеменниковъ. Тутъ были племена: Наймановъ, Усуней, Юэ-чжи, Джалаиловъ, Дулатовъ и другихъ народовъ. Когда же въ короткое время изъ всѣхъ этихъ племенъ образовалось нѣчто цѣлое, то этотъ сборный народъ сосѣди называли „казаками“, т. е. бродягами, народомъ вольнымъ, живущимъ грабежами и разбоями.

Усилившійся такимъ образомъ казачій союзъ захватилъ скоро весь Дешти-Кипчакъ, благодаря этому по смерти Гирея и Джанибека, сынъ перваго, Бурундукъ, съ титуломъ хана, кочевалъ въ Дешти-Кипчакѣ, а сынъ втораго, Касимъ—въ западномъ Моголистанѣ на р. Караталѣ.

Скоро однако ханъ Бурундукъ былъ изгнанъ и умеръ въ Самаркандѣ, а Касимъ, пользовавшійся силою и вліяніемъ, сдѣлался полнымъ властелиномъ Дешти-кипчака и чтобы лучше управлять своимъ народомъ, перенесъ кочевья свои на Улу-тау. Къ концу своей жизни Касимъ собралъ въ казачій народный союзъ болѣе милліона людей и могъ выставить въ полѣ до 300,000 всадниковъ.

Наслѣдники власти Касима, дѣти его брата Ядиба (Джадиба), Тагиръ и Буйдашъ не сумѣли поддержать согласія между племенами и родами, вошедшими въ составъ казачаго народа, который около 1537 г. разложился на свои составные элементы и только во второй половинѣ XVI вѣка началось вновь его возрожденіе и усиленіе (7). Это видно изъ того, что въ 1557 г. Ногайскій князь Исмаилъ жаловался Царю Іоанну Грозному на усиленіе казаковъ, а Дженкинсонъ, бывшій въ Бухарѣ въ 1558 и 1559 г.г. свидѣтельствуетъ,

что Ташкентскій владѣлецъ велъ тогда войну съ казаками, народомъ жестокимъ, многочисленнымъ, не имѣющимъ городовъ и исповѣдующимъ магометанскую религію. Кромѣ этихъ свидѣтельствъ о казакахъ въ русскихъ актахъ подъ 1534 г. находимъ, что одинъ посланецъ Царя Іоанна Грознаго, по имени Данила Губинъ, находившійся у Ногайцевъ, доноситъ Царю: „А казаки, Государь, сказываютъ, добре сильны, а сказываютъ, Государь, Ташкенъ (Ташкентъ) воевали и Ташкенскіе царевичи, сказываютъ, съ ними дважды бились, а казаки ихъ побивали“. (8).

Возстановителемъ могущества казаковъ былъ ханъ Хакъ-назаръ (Акъ-назаръ), сынъ Касима*). Въ отношеніяхъ своихъ съ средне-азіатскими владѣтелями онъ получилъ большое значеніе, благодаря побѣдамъ надъ Абдулатифомъ, владѣльцемъ Аксу и Моголистана. При немъ же въ 1573 г. Царь Іоаннъ Грозный, склоняясь на просьбы Строгановыхъ, которые имѣли съ казачкою ордою торговлю,**) рѣшилъ войти съ киргизъ-кайсаками въ политическія сношенія, что и поручилъ Третьяку Чебукову, но послѣдній, не доѣхавъ до киргизъ-кайсаковъ, въ іюлѣ того же 1573 г., близъ р. Камы, былъ взятъ въ плѣнъ, племянникомъ хана Сибирскаго Кучума, Маметкуломъ.

Еще болѣе важную роль чѣмъ Акъ-назаръ въ исторіи Средней Азіи играть его родственникъ, одинъ изъ младшихъ сыновей Ядика (Дикадика)—Шигаѣ (о немъ упоминаетъ Семень Мальцевъ, называя его Царевичемъ Шигаемъ).

*) Семень Мальцевъ, посланный въ 1569 г. къ Ногайцамъ, жившимъ между Волгою и Яикомъ, этого Акъ-Назара называетъ Царемъ казачкой орды, а Шигаѣ и Чельма—Царевичами.

**) Эта торговля была узаконена 30 мая 1574 г., когда Строгановымъ была выдана грамота на беспошлинную торговлю съ казачьею ордою (съ киргизъ-кайсаками).

Шигаи былъ вѣрнымъ союзникомъ Бухарскаго хана Абдуллы въ борьбѣ его съ Баба-султаномъ, кончившейся гибелью послѣдняго.

Сынъ Шигая-Теввекель, вернувшись въ Дешти-Кичакъ въ 1583 г. изъ Бухары, гдѣ умеръ его отецъ, и принявъ власть надъ киргизъ-кайсакою ордою, вмѣшался въ распри Туранскихъ Государей и овладѣлъ въ 1598 г. Ташкентомъ и Туркестаномъ со всею окрестною страной, которою киргизъ-кайсаки и удерживали за собою до 1723 г., сдѣлавъ Ташкентъ столицею своихъ хановъ.

Теввекель извѣстенъ кромѣ своихъ побѣдъ въ Туркестанѣ еще и своими сношеніями съ Русскимъ Царемъ. Причины этихъ сношеній были слѣдующія: извѣстно, что въ 1563 г., убивъ царствовавшихъ въ Сибири князей Едигера и Бекбулата, властью завладѣлъ Кучумъ, сынъ киргизъ-кайсака Мургазы, Шибанскаго рода*). Когда въ восьмидесятыхъ годахъ XVI столѣтія началось постепенное завоеваніе Сибири русскими, то имъ пришлось впервые вступить въ борьбу съ киргизъ-кайсаками (казаками) и въ одной изъ битвъ, послѣ завоеванія Ермакомъ Искера (Сибири), въ плѣнъ къ русскимъ попалъ киргизъ-кайсацкій Царевичъ Уразъ-Мухамедъ (Уразъ-Мегметъ), племянникъ Теввекеля. Этого Царевича воевода Чулковъ отправилъ въ Россію, гдѣ онъ получилъ во владѣніе городъ Касимовъ.

Теввекель, желая возвратить свободу своему племени, въ 1594 г. обратился въ Москву съ просьбою принять его со всею ордою въ русское подданство и отпустить къ нему Уразъ-Мухамеда. Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ въ мартѣ 1595 г. отвѣтилъ, что Теввекеля со всею ордою онъ принимаетъ въ число своихъ подданныхъ, пришлетъ ему огнестрѣльный снарядъ и отпу-

*) Шибанскій родъ происходилъ отъ Шейбани, внука Чингиса. Левшинъ. Описаніе киргизъ-кайс. орды 1832 г. Спб. стр. 63.

стить Уразь-Мухамеда, если онъ, Теввекель, въ доказательство своей покорности, представить вмѣсто Уразь-Мухамеда въ аманаты своего сына Царевича (Султана) Гусейна, смиритъ хана Бухарскаго и приведетъ въ послушаніе Кучума. Грамоту объ этомъ повезъ изъ Москвы посолъ Теввекеля въ сопровожденіи Царскаго переводчика татарскаго языка Вельямина Степанова, но безъ результата: Теввекель ни одного изъ предложенныхъ условій не выполнилъ, а потому не состоялось принятіе его въ русское подданство и не былъ отпущенъ Уразь-Мухамедъ, который, напротивъ, при воцареніи Годунова въ 1598 г. былъ названъ Царемъ Касимовскимъ*).

Послѣ Теввекеля ханомъ киргизъ-кайсаковъ былъ Ишимъ. Первое извѣстіе о немъ даетъ знаменитый восточный историкъ Абулгази Багадуръ, который въ 1625 году бѣжалъ отъ притѣсненій своего брата Исфендіара, хана Хивинскаго, къ Ишиму въ Туркестанъ и жилъ тамъ нѣкоторое время пока не удалился въ Бухару. Главнымъ образомъ, Ишимъ извѣстенъ своею борьбою съ джунгарами, которая, возгорѣвшись во второй четверти XVI в., продолжалась и послѣ смерти Ишима, при его сынѣ Джегангирѣ (Джангирѣ).

Этотъ Джегангиръ еще будучи Царевичемъ начальствовалъ надъ киргизъ-кайсацкимъ войскомъ и въ одной стычкѣ съ джунгарами былъ ими взятъ въ плѣнъ. Возвративъ себѣ свободу и получивъ послѣ отца власть, онъ непрерывно тревожилъ джунгаръ своими набѣгами. Желая же надолго усмирить киргизъ-кайсаковъ джунгарскій Канъ-Тайша Батуръ въ 1643 г. собралъ до 50000 войска и немедленно овладѣлъ двумя поколѣніями киргизъ-кайсаковъ. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ готовился истребить и остальное войско Джегангира, но

*) Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго т. XI. Изд. Евдокимова 1892 г. стр. 13.

послѣдній, не смѣя вступить съ Батуромъ въ открытый бой, имѣя лишь 600 воиновъ, употребилъ слѣдующую военную хитрость: одну половину своихъ воиновъ онъ помѣстилъ между двухъ горъ, въ ущельѣ, которое окопалъ глубокимъ ровомъ и обнесъ высокимъ валомъ, а съ другой половиною скрылся самъ за горою. Джунгары, подойдя къ укрѣпленію, напали на киргизъ-кайсаковъ, но, потерявъ множество людей, укрѣпленія взять не могли, такъ какъ по узкости мѣста имъ нельзя было развернуть всѣ силы. Въ это время Джегангиръ со своими войнами устремился на джунгаръ съ тыла. Неожданность этого удара и отважность воиновъ сдѣлали то, что Батуръ потерпѣлъ сильное пораженіе и принужденъ былъ отступить. Киргизъ-кайсаки же, ободренные успѣхомъ, продолжали тревожить джунгаръ и послѣ этой войны, вѣлѣдствіе чего пріемникъ власти Джегангира, сынъ его Тавка, славный въ преданіяхъ киргизъ-кайсаковъ какъ герой и законодатель, принужденъ былъ всю жизнь свою вести упорную борьбу съ джунгарами, а именно: съ Галданомъ и Цеванъ-Рабтаномъ.

Но, не смотря на борьбу съ вѣншими врагами, Тавка, пользуясь благоразуміемъ, опытностью, связями и искусствомъ успокоилъ внутренніе раздоры своего народа, возстановилъ на время его могущество и давъ киргизъ-кайсакамъ мудрые и справедливые законы, думалъ навсегда установить въ ордѣ миръ и тишину.

Однако возстановленная Тавкою между киргизъ-кайсаками тишина существовала не долго. Глубокая старость этого хана, не смотря на всѣ его заслуги, ослабила ханскую власть и хотя еще при его жизни были избраны въ ханы его родственники, Абуль-хаиръ и Каишъ, тѣмъ не менѣе вскорѣ опять начались междоусобія и хищническіе набѣги на приграничныя земли. Всѣмъ этимъ незамедлили воспользоваться выведенные изъ тербѣнія сосѣди, такъ: съ запада начали нападать

вожскіе Калмыки, съ сѣвера Банкиры и съ востока Джунгары, которыми владѣлъ тогда знаменитый Ханъ-Тайша Галданъ-Цыренъ.

Видя въ какомъ бѣдственномъ положеніи очутилась киргизъ-кайсацкая орда и чувствуя, что близко къ часъ, когда она совершенно потеряетъ свою самостоятельность, престарѣлый ханъ Тявка, желая спасти свой народъ отъ окончательнаго порабощенія джунгарами, рѣшилъ просить о покровительствѣ Россію. Но въ Россіи Императоръ Петръ Великій, смотрѣвшій на киргизъ-кайсацкую орду какъ на ворота къ азіатскимъ странамъ, въ это время уже обратилъ серьезное вниманіе на дѣла въ киргизской степи*) и приказалъ бывшему тогда въ Сибири губернаторомъ князю Гагарину не только войти въ сношеніе съ ордою, но и помочь ей противъ Галданъ-Цырена, чтобы нѣсколько остановить возрастающее могущество Джунгаріи.

Во исполненіе приказанія Императора, въ 1717 г. киргизъ-кайсацкіе ханы Тявка, Кайпъ и Абуль-хайръ заявили князю Гагарину о своемъ желаніи повиноваться русскому Царю, но такъ какъ въ слѣдующемъ году ханъ Тявка умеръ, то переговоры эти такъ и остались безъ результата. Ни Кайпъ, ни Абуль-хайръ на продолженіи переговоровъ не настаивали; они тотчасъ послѣ смерти хана Тявки, не думая о грозившей опасности, поссорились и повели между собою ожесточенную борьбу.

Этимъ воспользовался Галданъ-Цыренъ и въ 1723 г. настойчиво двинулся въ киргизскія степи, напалъ на киргизъ-кайсацкую орду, разгромилъ ее и отнялъ Туркестанъ, Ташкентъ и Сайрамъ.

Стѣсненные и преслѣдуемые съ трехъ сторонъ, кир-

*) Въ 1713 г. кн. Гагаринъ доносилъ Императору о золотомъ яркендскомъ пескѣ и ходатайствовалъ объ отправленіи экспедиціи въ Яркендъ.

зизъ-кайсаки могли бы быть совсѣмъ истреблены, если бы не удалились на югъ. Большая орда, съ частью Средней откочевала тогда къ Ходженту, а оставшая часть Средней—къ Самарканду; Малая же орда ушла къ Хивѣ и Бухарѣ.

Положеніе киргизъ-кайсаковъ того времени характеризуется замѣчательными словами Старшины Средней орды Букенбай, сказанными въ Орской крѣпости въ 1748 г. генералу Тевкелеву: „мы бѣжали тогда“, говоритъ Букенбай, „отъ калмыковъ, башкирцевъ, казаковъ сибирскихъ и яцкихъ, какъ зайцы отъ борзыхъ собакъ“. Но „опасность примирила внутреннія ихъ междоусобія“, говоритъ Левшинъ,*) „возродила общее согласіе и направила всехъ къ одному предмету“. Въ собраніи цѣлаго народа въ Кара-кумахъ положено было двинуться впередъ, напасть на общихъ враговъ и вытѣснить ихъ изъ древнихъ земель киргизъ-кайсаковъ. То было послѣднее усиліе этого народа, увѣнчавшееся нѣкоторымъ успѣхомъ. Они оттѣснили башкиръ и калмыковъ, и заняли сѣверныя части киргизской степи, а именно: Малая орда заняла земли до Урала, а Средняя—подвинулась на сѣверъ до р.р. Ори и Уя, одна только Большая орда осталась около джунгарь, а потому и была окончательно покорена ими. (9)

Въ это-то время ханъ Абуль-хайръ, изъ своихъ личныхъ выгодъ, обратился къ Россіи съ просьбою о принятіи въ русское подданство киргизъ-кайсаковъ Малой орды, гдѣ онъ былъ ханомъ. Это не было желаніемъ народа и киргизы вовсе не уполномочивали его къ тому, напротивъ киргизъ-кайсаки даже съ неудовольствіемъ узнали о поступкѣ своего хана; только умъ и краснорѣчіе Генерала (мурзы) Тевкелева, посланнаго по этому случаю изъ Петербурга въ киргизскую степь,

*) Левшинъ. Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей Спб. 1832 г. часть 2 ст. 70.

и совѣты нѣкоторыхъ киргизъ-кайсацкихъ старшинъ, имѣвшихъ вліяніе на народъ, устроили дѣло. На народномъ съѣздѣ въ 1732 г. киргизы Малой орды съ своимъ ханомъ Абуль-хайромъ и—Средней орды, съ ханомъ Шемякою, признали власть Россіи *), но этимъ дѣйствительнаго подданства не было достигнуто. Средняя орда тотчасъ же отложила отъ подданства и начала дѣлать набѣги на русскую пограничную линію, а Малая орда была отвлечена, вмѣстѣ съ своимъ ханомъ, въ низовья Сыръ-Дарьи и тамъ также безразлично грабила, какъ русскіе, такъ и бухарскіе караваны. И только принятіе русскаго подданства каракалпаками (1732 году), народомъ издавна враждовавшимъ съ киргизами, вынудило и киргизъ-кайсаковъ вспомнить о данномъ Россіи обязательствѣ. Въ 1734 году ханы Средней и Малой орды вторично изъявили покорность; но ненадолго.

Недисциплинированная, самовольная и вѣчно буйная орда не могла обойтись безъ грабежей, въ которыхъ она видѣла и свои выгоды, и свою удачу, а открытая вражда ихъ къ Калмыкамъ и Баникирамъ еще болѣе подавала поводъ къ безпорядкамъ на нашихъ границахъ.

Оренбургъ **) (Орскъ), воздвигнутый на пограничной линіи разумѣется, нисколько не могъ сдерживать полудикихъ кочевниковъ, которые быстро переносясь на своихъ легкихъ лошадяхъ съ мѣста на мѣсто, какъ стаи хищныхъ птицъ, зачастую безнаказанно нападали на линію, истребляли огнемъ цѣлые округа, отгоняли скотъ, вытравляли засѣянные поля, уводили въ плѣнъ беззащитныхъ жителей и задерживали и грабили купеческіе караваны. Сами киргизъ-кайсацкіе ханы, при-

*) Собственно Малая орда съ ханомъ Абуль-хайромъ была принята въ подданство Россіи еще за годъ до этого, а именно въ 1731 г. (время выдачи жалованн. грамот. П. С. З. т. VIII, № 5704).

**) Оренбургъ первоначально былъ построенъ при слияніи р.р. Ори съ Ураломъ, на мѣстѣ нынѣшняго Орска.

нявшіе присягу на подданство Россіи и щедро одаряемые подарками отъ Русскаго двора и Оренбургскаго Губернатора, подстрекали своихъ подданныхъ къ нападеніямъ.*)

Но такъ какъ набѣги этихъ степняковъ на ряду съ джунгарами тревожили русскихъ пограничныхъ жителей еще съ XVII вѣка, то русское правительство и сибирскіе воеводы того времени не могли не принять энергичныхъ мѣръ для обезпеченія нашей колонизаціи въ завоеванныхъ южныхъ частяхъ Западной Сибири. Для огражденія нашихъ границъ съ киргизъ-кайсакою степью и Джунгаріею со второй половины XVII вѣка было предпринято устройство линіи укрѣпленій, такъ: въ 1663 году была основана слобода Царево-Городище (въ 1782 г. переименованная въ г. Курганъ), въ 1670 году слобода Чернолуцкая (почти въ 50 верстахъ ниже впаденія р. Оми въ Иртышъ) и около этого же года на лѣвомъ берегу Ишима возникла деревня Коркина (въ первой четверти XVIII вѣка превратившаяся въ слободу, а въ 1782 г. переименованная въ городъ Ишимъ), въ 1680 г. основанъ Абацкій острогъ (нынѣ слобода Ишимскаго округа**). (11)

Принесли-ли эти укрѣпленія существенную пользу населенію приграничныхъ мѣстъ видно изъ того, что грабежи и набѣги не прекращались еще и въ первой

*) Напримѣръ, ханъ Абуль-Хаиръ дозволилъ подвластнымъ ему киргизамъ Малой орды сдѣлать въ 1746 году набѣгъ на калмыковъ, по льду замерзшаго Каспійскаго моря, при чемъ было захвачено въ плѣнъ до 700 человекъ, въ томъ числѣ и нѣсколько русскихъ (10).

**) До середины XVIII столѣтія укрѣпленные сибирскія селенія, отдѣлявшія степь съ сѣвера, тянулись отъ слободы Чернолуцкой по направленію къ Оренбургской губ. до крѣпости Звѣриноголовской, чрезвычайно ломаною линіею на пространствѣ 985 верстъ. Эта пограничная линія носила названіе Ишимской. (12)

половинѣ XVIII вѣка; захватъ русскихъ въ плѣнъ считался еще въ то время дѣломъ очень обыкновеннымъ, и хотя Уральскіе и Сибирскіе казаки, защищая свою свободу, жизнь и свое кровное достояніе, въ свою очередь жестоко мстили кочевникамъ, но это не останавливало ихъ отъ набѣговъ, потому что русское вліяніе въ степи было тогда еще слабо. Усиленіе нашего вліянія, а съ него и безопасность нашихъ приграничныхъ жителей, устанавливается лишь по мѣрѣ того, какъ мы, шагъ за шагомъ, начали подвигаться по долинѣ рѣки Иртыша во внутрь степей, правильное начало чему было положено въ первой четверти XVIII столѣтія.

Ранѣе же чѣмъ остановиться на исторіи нашего постепеннаго приобрѣтенія иртышской долины и соседней части степи, вошедшей нынѣ въ составъ Семирчинской области, необходимо упомянуть, что путь въ верхнюю область Иртыша былъ въ то время уже извѣстенъ русскимъ; начало этому знакомству положилъ еще въ 1595 году письменный голова Доможировъ, который, съ Тарскими служилыми людьми, напалъ на бывшаго сибирскаго царя Кучума, кочевавшаго за рѣкою Омью, разграбилъ и сжегъ городокъ Тунусъ, а на волости Кучума наложилъ ясакъ. Послѣ этого предприимчивые вольнопромышленники и казаки стали проникать въ глубь степей для добычи соли; въ 1613 г. для розыска Ямышевскаго солянаго озера, о которомъ слухи дошли въ Тобольскъ, былъ отправленъ съ военнымъ отрядомъ ротмистръ Барташъ и съ того времени соль для Сибири постоянно добывалась изъ этого озера, а съ 1697 г. здѣсь сосредоточивается мѣновая торговля русскихъ, джунгаръ, бухарцевъ и ташкентцевъ.

Кромѣ того, съ верхнимъ теченіемъ Иртыша и его областью съ XVII вѣка знакомилъ русскіе послы, ѣздившіе къ Джунгарскому Канъ-Тайшѣ, Монгольскому Хану и въ Китай. Такъ: въ 1616 году къ Монгольско-

му хану Алтыну ѣздилъ казакскій атаманъ Василій Тюменецъ и десятникъ Иванъ Петровъ для предложенія ему и всей его землѣ быть въ милостивомъ жалованьѣ, подъ высокою царскою рукою; въ 1619 году Тобольскимъ воеводою княземъ Иваномъ Семеновичемъ Куракинымъ были отправлены два казака Иванка Петлинъ и Петунка Киселевъ для развѣдки китайской земли; въ 1620 году въ Бухару ѣздило посольство Хохлова, въ 1622 году Тобольскимъ воеводою, бояриномъ Матвѣемъ Годуновымъ, посылался посломъ къ Калмыцкому тайши Талаю боярскій сынъ Дмитрій Черкасовъ, съ приглашеніемъ поступить въ русское подданство; въ 1633 г. ѣздилъ боярскій сынъ Яковъ Тугачевскій и подъячій Огарковъ къ Монгольскому Алтынъ-хану, съ жалованною грамотою и государевымъ жалованьемъ; въ 1636 г. къ этому же хану ѣздилъ боярскій сынъ Степанъ Гречанинъ, а въ 1638 г. къ нему же ѣздилъ боярскій сынъ Василій Старковъ, который, возвратившись въ Москву, впервые привезъ въ Россію чай, въ числѣ ханскихъ подарковъ Царю Михаилу Феодоровичу; въ 1654 г. Монгольское и Джунгарское царство посѣтилъ боярскій сынъ Федоръ Исаковичъ Байковъ, во главѣ перваго русскаго посольства въ Китай; въ 1658 г. въ Китай же ѣздили боярскій сынъ Иванъ Перфильевъ и Тобольскій бухарецъ Сеткулъ Аблинъ для торговаго промысла, съ государевою грамотою и подарками; въ 1659 г. во второй разъ ѣздилъ къ Монгольскому хану боярскій сынъ Степанъ Гречанинъ; въ 1674 г. ѣздили въ Китай для торгу боярскій сынъ Иванъ Поршнейниковъ и торговые гости, Евстафія Филатьева люди, Гаврила Романовъ съ товарищами, всего 43 человекъ, а въ 1691 г. изъ Тобольска къ Галдану-Бобошту Джунгарскому ѣздилъ боярскій сынъ Матвѣй Юдинъ для переговоровъ относительно пользованія солью изъ Ямышевскаго озера и о прекращеніи джунгарами сбора ясака съ подвластныхъ Россіи киргизовъ. (13)

Поводомъ для расширенія нашихъ границъ къ югу, вверхъ по теченію рѣки Иртыша, послужилъ слухъ объ обильныхъ золотыхъ россыпяхъ, будто бы, находящихся около джунгарскаго города Эркети (Яркенда). Первый Сибирскій Губернаторъ, князь Матвѣй Петровичъ Гагаринъ,*) услыхавъ отъ бухарскихъ торговцевъ, что при джунгарскомъ городѣ Эркети (Яркендѣ) находятся золотоносныя россыпи и что до того города, отъ Тары по Иртышу, пути не болѣе 2½ мѣсяцевъ, въ 1713 году донесъ объ этомъ Императору Петру Великому и, представивъ горсть золотого яркендскаго песку, ходатайствовалъ объ отправленіи экспедиціи въ Яркендъ, предлагая путь къ нему отъ слободы Чернолуцкой обезнечить постройкою цѣпи крѣпостей по р. Иртышу.

Императоръ Петръ 1-й 22 мая 1714 г. собственноручно предписалъ: „построить городъ у Ямышева озера и идти далѣе до города Эркети и онымъ искать овладѣть,“ вмѣстѣ съ тѣмъ Государь назначилъ начальникомъ экспедиціи подполковника Бухгольца. (15)

Въ Іюль 1715 г. Бухголецъ отправился изъ Тоболь-

*) Князь М. П. Гагаринъ въ 1710 г. былъ назначенъ первымъ Сибирскимъ Губернаторомъ, но, за лихоимство и злоупотребленія при управленіи, въ 1717 году былъ отозванъ въ С.П.Б., гдѣ, послѣ продолжительнаго тюремнаго заключенія, въ 1721 г. приговоренъ судомъ къ смертной казни, каковая и совершена (повѣшенъ) въ С.П.Б. 16 Марта 1721 г. Императоръ Петръ Великій, въ 1719 г. посылая Гвардіи Маіора Лихарева въ Сибирь, поручилъ ему, между прочимъ, произвести слѣдствіе о поступкахъ кн. Гагарина и въ 6 пун. инструкціи, данной Лихареву, написалъ; „Его Царское Величество изволилъ приказать о немъ Гагаринѣ сказывать въ городахъ Сибирской губерніи, что онъ, Гагаринъ, плутъ и недоброй человекъ, и въ Сибири уже ему губернаторомъ не быть, а будетъ присланъ на его мѣсто иной; и сіе объ немъ, Гагаринѣ, письменнo и словесно объявить“. (14.)

ека, вверхъ по Иртышу, на 32 дощаникахъ и 27 лодкахъ, съ 3000 отрядомъ и со штабомъ, состоявшимъ частью изъ шведскихъ плѣнныхъ офицеровъ, знакомыхъ съ инженернымъ, артиллерійскимъ и горнымъ искусствомъ. 1 Октября Бухгольцъ достигъ Ямышевскаго озера и, построивъ при содѣйствіи артиллерійскаго поручика Каландера, вблизи озера, на берегу р. Иртыша, Ямышевскую крѣпость, предполагалъ послѣ зимней стоянки продолжать путь на слѣдующій годъ. Но эта мысль не осуществилась, такъ какъ Бухгольцъ, осажденный на масляницѣ 1716 г. Джунгарами и потерявъ во время двухмѣсячной осады $\frac{3}{4}$ своего войска отъ повальныхъ болѣзней, долженъ былъ весною срыть крѣпость и отступить назадъ на уцѣлѣвшихъ 18 дощаникахъ. На возвратномъ пути Бухгольцъ остановился при устьѣ р. Оми и на лѣвомъ берегу ея построить въ томъ же 1716 году Омскую крѣпость.*) (16)

Въ томъ же году, по распоряженію князя Гагарина, посланный изъ Тобольска полковникъ Матигоровъ возобновилъ Ямышевское укрѣпленіе, которое и послужило опорнымъ пунктомъ для наступательнаго движенія, предпринятаго въ слѣдующемъ 1717 г. Въ этомъ

*) Въ 1768 г. Омская крѣпость была перенесена на правый берегъ р. Оми, такъ какъ крѣпость, построенная Бухгольцомъ, къ тому времени, развалилась; въ 1782 г. крѣпость была переименована въ уѣздный городъ Тобольскаго намѣстничества; въ 1797 году городъ упраздненъ, а въ 1804 г. восстановленъ уѣзднымъ — Тобольской губерніи; въ 1822 г. назначенъ областнымъ городомъ Омской области; въ 1838 г., по упраздненіи области, сдѣланъ окружнымъ городомъ Тобольской губерніи; въ 1839 г. въ Омскъ перенесено Главное Управленіе Западной Сибири, при чемъ здѣсь-же опредѣлена резиденція Генераль-Губернатора Западной Сибири, а въ 1882 году, по упраздненіи Западно-Сибирскаго Генераль-Губернаторства, Омскъ сдѣланъ административнымъ центромъ Степнаго Генераль-Губернаторства (Шегловъ, Хронологія Исторіи Сибири стр. 165).

году для построенія крѣпостей отъ Ямышева, вверхъ по Иртышу, были посланы боярскій сынъ Павелъ Свѣрскій и дворянинъ Василій Чередовъ. Первый построилъ Желѣзинскую, а второй Колбасинскую крѣпость (нынѣ не существующая, была въ 165 вер. ниже нынѣшняго Семипалатинска). (17)

Тотъ же Чередовъ, строитель Колбасинской крѣпости, выбралъ въ 1718 г. мѣсто и для крѣпости Семипалатной, въ 16 верстахъ ниже семи палатъ, т. е. семи кирпичныхъ зданій, гдѣ нѣкогда помѣщался буддійско-ламайскій монастырь, извѣстный у калмыковъ, подъ названіемъ: „Зардинкита“.*)

Въ то время, когда Чередовъ основывалъ Семипалатную крѣпость, изъ Тобольска была отправлена новая экспедиція по Иртышу, подъ начальствомъ полковника Ступина, который прибылъ во вновь заложенную крѣпость осенью 1718 г., привелъ ее въ полное вооруженіе и обнесъ со всѣхъ сторонъ четырехъ-угольной стѣной. Тогда же въ крѣпости была построена и деревянная церковь во имя Преподобныхъ Антонія и Феодосія Печерскихъ. (18)

Со времени основанія крѣпости Семипалатной русскимъ было обезпечено дальнѣйшее движеніе на югъ, начало которому положили Лихаревъ.

*) Путешественникъ Миллеръ въ 1734 г. засталъ палаты уже въ полуразрушенномъ состояніи, но нашелъ въ Тюменскомъ архивѣ грамоту временъ Царя Михаила Феодоровича, писанную 25 октября 1616 г., въ которой упоминается объ этихъ палатахъ, подъ названіемъ: „Каменной мечети“. Составитель статьи о Семипалатинскѣ въ сочиненіи „Городскія поселенія Россійской Имперіи“ относитъ время разоренія ихъ къ 1660 -- 1670 годамъ, когда между калмыками происходили междоусобныя войны. Палласу, посѣтившему Семипалатинскъ въ 1771 г., удалось еще срисовать развалины палатъ, нынѣ же онѣ совершенно срыты и мѣсто это застроено городскими постройками. (Семип. Обл. Вѣд. 1886 г. № 36).

28 января 1719 года Императоромъ Петромъ Великимъ былъ отправленъ въ Сибирь Гвардіи Маіоръ Лихаревъ съ тремя порученіями: „произвести слѣдствіе о злоупотребленіяхъ по управленію перваго Сибирскаго Губернатора кн. Гагарина, изслѣдовать причины безуспѣшности похода Бухгольца и розыскать, подлинно ли есть яркентское песочное золото и, если есть, то построить крѣпость на озерѣ Норъ-Зайсанъ“. (19)

Для исполненія третьяго порученія, т. е. розыскать песочное золото Лихаревъ отправился изъ Тобольска 8 мая 1720 года, по р. Иртышу, на 34 лодкахъ, съ отрядомъ въ 440 человекъ, при 13 пушкахъ и 6 мортирахъ. Достигнувъ озера Зайсана, онъ осмотрѣлъ берега его и, не найдя на нихъ удобнаго мѣста для крѣпости, двинулся въ Черный Иртышъ, гдѣ на 12-й день плаванія русскій отрядъ былъ встрѣченъ 20 тысячнымъ джунгарскимъ войскомъ; послѣ двухдневной перестрѣлки, убѣдившись въ невозможности плыть далѣе по мелководію рѣки, Лихаревъ заключилъ миръ съ непріятельскимъ вождемъ, Джунгарскимъ царевичемъ Галданъ-Цыреномъ и повернулъ назадъ. При этомъ обратномъ движеніи, на мѣстѣ, гдѣ р. Иртышъ выходитъ изъ предгорій Алтайскихъ горъ и разливается по степи, при самомъ устьѣ р. Ульбы, въ томъ же 1720 г. Лихаревъ основалъ крѣпость Устькаменогорскую. (20)

Такимъ образомъ, и эта экспедиція не достигла главной цѣли—не розыскала средне-азіатскую Колхиду, но тѣмъ не менѣе, она имѣла огромное значеніе: русская граница распространилась по Иртышу въ глубь степи до 49° с. ш., а чрезъ это получилась возможность оградить наши молодыя колоніи въ Барабинской степи и возникнувшее вскорѣ*) горнозаводское дѣло въ Алтай.

*) Въ 1726 г. Дѣйств. Ст. Сов. Акинфіемъ Никитичемъ Демидовымъ основанъ при р. Локтевѣ Колыванскій мѣдиплавильный заводъ—первый по времени основанія горнаго дѣла на Алтай.

Правда, Джунгарія долго не оставляла своихъ притязаній на иртышскія мѣстности и домогалась уничтоженія крѣпостей по Иртышу, но, придавая важное военно-политическое значеніе пріобрѣтенной иртышской долины, правительство удержало ее за собою. Въ крѣпостяхъ были поставлены гарнизоны изъ пѣхотныхъ солдатъ и конныхъ драгунъ; для связи же иртышскихъ крѣпостей было устроено въ томъ же 1720 г. семь промежуточныхъ форпостовъ, а именно: Ачаировскій, Черлаковский, Осморыжскій (Осьмой-рыжко), Чернорѣцкій, Коряковский, Семіарскій и Убинскій. Сверхъ того, Сибирскій Губернаторъ, князь М. Ф. Долгорукій (съ 1724 по 1731), въ 1725 г. исходатайствовалъ для иртышскихъ крѣпостей особый штатъ, по которому было определено содержать въ крѣпостяхъ 785 казаковъ. Это штатное число пополнялось городовыми казаками изъ сибирскихъ городовъ: Тары, Тобольска и Тюмени, приходившими на годичную службу, а нѣкоторые изъ нихъ обращались въ постоянныхъ обывателей иртышской долины и были ея первыми колонистами.

Однако, дѣло колонизаціи шло сначала весьма туго; это видно изъ того, что черезъ 20 лѣтъ послѣ утвержденія штатовъ 1725 г., крѣпостныхъ казаковъ считалось всего 489 человекъ. Попытка къ усиленію колонизаціи и къ большому укрѣпленію здѣсь русской власти замѣчается съ 1745 г.

Въ этомъ году, по распоряженію Генераль-Маіора Киндермана*), на Иртышъ было прибавлено 24 укрѣпленія,

*) Генераль-Маіоръ Киндерманъ прибылъ сюда въ 1745 г. съ двумя пѣхотными Ширванскимъ и Нотебургскимъ и тремя драгунскими полками Вологодскимъ, Олонецкимъ и Лудскимъ. Посылка сюда войскъ была вынуждена ожиданіемъ войны китайцевъ съ джунгарами, а главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что киргизы, укрываясь отъ нападений джунгаровъ, толпами, прикочевывали къ

большинство которыхъ носили названіе маяковъ,*) защитить, почтовыхъ дворовъ или станцевъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, Генераль Киндерманъ, для прикрытія Колыванскихъ горныхъ заводовъ отъ набѣговъ Джунгаръ и для охраны отъ джунгарскихъ поборовъ телеутскихъ Калмыковъ, принялся за возведеніе укрѣпленій и по алтайской границѣ. Въ этой мѣстности была устроена цѣпь укрѣпленій чрезъ весь Алтай, отъ Иртыша, именно, отъ форпоста Шульбинскаго до Кузнецка. Линія эта, состоявшая изъ 9 крѣпостей и 53 редутовъ, получила наименованіе „Колыванско-Кузнецкой“.

Съ сѣверной стороны киргизской степи вмѣсто прежней Ишимской линіи, слишкомъ ломаной, Генераль Киндерманъ призналъ полезнымъ протянуть, впереди ея, новую линію отъ Омска къ Оренбургской губерніи до крѣпости Звѣриноголовской. Для исправленія ишимской линіи было составлено два проекта: одинъ—геодезіи поручикомъ Шишковымъ и премьеръ-маіоромъ Сташкѣвымъ, которые предлагали совершенно спрямить линію и вести ее вдоль цѣпи Камышловскихъ горько-соляныхъ озеръ; другой—подполковникомъ Кутузовымъ, который предлагалъ провести новую линію вблизи болыной сибирской дороги, такъ какъ проектъ Шишкова и Сташкѣва, по его мнѣнію, былъ невыполнимъ, въ

Сибирскимъ окраинамъ. (Щеглов. хронологія Исторіи Сибири. Иркут. 1883. стр. 238.)

*) Маякомъ называлось зданіе, гдѣ помѣщалась воинская команда, для охраненія границы. Маяки обносились палисадниками, надолбами и рогатками, и находились, какъ на отдѣльныхъ постахъ, такъ и по Иртышской линіи, большею частію, на половинѣ между форпостами. При нихъ устраивалась особая вышка на 4 высокихъ столбахъ, набитая сверху хворостомъ, который, вѣроятно, зажигался, когда нужно было дать знать о непріятелѣ на сосѣдній постъ. (Земляницынъ. Историч. очеркъ „Семипалатинска и его торговля“.)

виду того, что новую линію проектировалось ими провести по мѣстности, отличающейся отсутствіемъ прѣсной воды, а потому непригодной для заселенія.

Генераль Киндерманъ, разсмотрѣвъ оба проекта, остановился на проектѣ Шишкова и Сташкѣва, какъ болѣе отвѣчающемъ его собственнымъ мыслямъ, но, посѣтивъ лично указанныя ими мѣстности, выработалъ свою пограничную черту, близко подходящую къ проектированной, которая и была утверждена Сенатомъ въ 1752 году, а въ 1755 г. по этой новой линіи, названной Прѣсногорьковской, было уже возведено 11 крѣпостей *) (двѣ шести-угольныхъ и 9 четырехъ-угольныхъ), 33 редута и 42 маяка.

Устроивъ, такимъ образомъ, на пограничныхъ линіяхъ иртышской, прѣсногорьковской и колыванско-кузнецкой новые опорные пункты для защиты государственной границы отъ набѣговъ тревожныхъ сосѣдей, Генераль Киндерманъ, естественно, долженъ былъ озаботиться и заселеніемъ этихъ мѣстъ. Первымъ дѣломъ, здѣсь были размѣщены полки приведенные Киндерманомъ изъ Россіи; потомъ, сюда же было выслано до 2000 казаковъ изъ сибирскихъ городовъ, въ добавокъ къ которымъ на временную службу стали посылаться еще сибирскіе крестьяне, подъ именемъ выписныхъ

*) Здѣсь должно пояснить, что въ техническомъ отношеніи крѣпости прѣсногорьковской и иртышской линій отличались простотою и патріархальностію устройства. Въ то время крѣпость представляла простое поселеніе, огражденное бревенчатымъ частоколомъ, рвомъ и рогатками, только немногія крѣпости: Омская, Семипалатная, Ямышевская, Устькаменогорская и Петропавловская (нынѣ уѣздный городъ Акмолинской Обл.) были устроены съ землянымъ валомъ, по системѣ Вобана. Вооружены крѣпости были старыми, мало пригодными орудіями, разнообразнаго калибра. (Усовъ Стат. опис. сиб. каз. войска, С. П. В. 1879 стр. 12).

казаковъ. Въ 1758 г. сюда же были командированы по 1000 человекъ изъ Донскаго и Яицкаго казачьихъ войскъ на двухгодичную службу, а впослѣдствіи, вмѣсто ихъ, посылались Башкиро—Мещеряцкія команды, смѣнявшіяся каждый годъ.

Всѣ эти элементы служили матеріаломъ для зарождавшейся колонизаціи пограничныхъ линій; нѣкоторые изъ приходившихъ на службу людей добровольно водворялись на линіяхъ, заводя тутъ свое домохозяйство и входя въ составъ крѣпостныхъ казаковъ, несмотря на то, что служебныя повинности этихъ послѣднихъ были крайне обременительны. Находясь въ батраческомъ положеніи даровыхъ военно-рабочихъ командъ, они исполняли всѣ военныя и земскія работы въ крѣпостяхъ, несли сторожевую и нерѣдко боевую службу и кромѣ того, на нихъ же было возложено еще и казенное хлѣбопашество. Хлѣбопашество это было заведено Киндерманомъ въ 1755 году, какъ подспорье для продовольствія пограничныхъ войскъ, которыя, при отсутствіи земледѣльческаго населенія, не всегда надежно обезпечивались подвозомъ хлѣба изъ сибирскихъ округовъ *). На казенныя пашни наряжалось по всѣмъ линіямъ 600 крѣпостныхъ казаковъ, которымъ выдавались казенныя лошади, волы и земледѣльческія орудія.

Но такъ какъ это казенное хлѣбопашество не приносило выгодъ казнѣ, ибо мѣстный хлѣбъ обходился не дешевле привознаго, а между тѣмъ отвлекало казаковъ отъ своего домоустройства, то послѣ 12—лѣтняго существованія оно было отмѣнено Сенатомъ. (21)

Въ то время, когда мало по малу на правомъ бере-

*) Въ самой Сибири въ то время тоже не было излишка хлѣба, что подтверждаетъ распоряженіе Правительства въ 1765 г. о размноженіи родовъ растеній, употребляемыхъ въ Сибири въ пищу, за недостаткомъ хлѣба (П. С. З. № 12532) (Щегловъ, 283).

ту Иртыша зарождалась русская колонизація; на лѣвомъ берегу этой рѣки разыгралась ужасная драма, кончившаяся совершеннымъ уничтоженіемъ джунгарскаго царства.

Въ 1746 году умираетъ Джунгарскій ханъ Галданъ-Цыренъ, при которомъ Джунгары достигли апогея своего могущества, сильно стѣснивъ киргизъ-кайсацкія орды; а въ 1756 г. Джунгарія была уже совершенно стерта съ лица земли и отъ былаго могущественнаго государства осталось одно лишь названіе.

Причиною такого быстрого перехода Джунгаръ отъ могущества къ полному истребленію были междоусобія отдѣльныхъ джунгарскихъ владѣтелей. Эти послѣдніе, оставшіеся послѣ смерти Галданъ-Цырена ни кѣмъ не сдерживаемые и каждый стремясь захватить власть повелителя надъ всею страной, сами подготовили финаль политическаго существованія Джунгаріи. Главнѣйшимъ виновникомъ этого былъ Амурсана. Поссорившись съ соперникомъ своимъ Даваціемъ, онъ въ 1754 году призналъ себя подданнымъ Китая и просилъ у Императора Цянь-Луна себѣ помощи противъ Давація. Императоръ принялъ въ число своихъ подданныхъ Амурсана и отправилъ съ нимъ сильное войско, но не для борьбы съ Даваціемъ, а для того, чтобы окончательно покорить Джунгаръ, такъ долго безпокоившихъ Китай своими набѣгами.

Желаніе Богдохана было въ точности исполнено и уже въ 1756 году Джунгаріи не существовало. Когда Амурсана понялъ, какъ жестоко онъ ошибся, надѣясь на китайцевъ, то выступилъ защитникомъ Джунгаріи и повелъ борьбу съ Китайцами, но былъ ими разбитъ и скрылся въ Сибири, а въ слѣдующемъ году умеръ въ Тобольскѣ отъ оспы. Другой-же Тайша Шеренгъ съ 10000 кибитокъ бѣжалъ на Волгу, что и послужило поводомъ къ прекращенію всѣхъ сношеній Китая

съ Россією до 1771 года, когда эти кибитки переселились въ Китай.

Разгромивъ Джунгарію, Китайцы направились дальше на западъ, въ среднюю киргизъ-кайсацкую орду, но тамъ предприимчивый султанъ Аблай вышелъ на встрѣчу побѣдителямъ и призналъ себя подданнымъ Богдохана. Съ этого времени Китайцы внесли въ число своихъ владѣній земли, на которыхъ кочевалъ Аблай, а ему были немедленно присланы отъ Цянь-Луня грамота на княжеское достоинство и календарь, или условіе китайскаго вассальства. (22) Въ 1758 г. киргизъ-кайсаки средней орды приближаютъ свои кочевья къ р. Иртышу и занимаютъ опустѣвшія джунгарскія земли: султанъ Аблай кочуетъ по рѣчкѣ Чаръ-Курбанъ и Кылчақты, а Абдуль Фаизъ—на уроч. Чагыль и по р. Чаганъ. (23) Въ этомъ же году китайцы покоряютъ Восточный Туркестанъ и строятъ въ Илійской области городъ Кульджу, а въ 1761 г. переносятъ въ долину р. Емиля городъ Чугучакъ, первоначально основанный (1754 г.) въ улусахъ Амурсана. (24)

Такое положеніе дѣлъ въ земляхъ сосѣднихъ съ русскою пограничною линією, естественно, должно было вызвать самую живую дѣятельность Правительства и Сибирскаго начальства. Такъ въ 1760 г. было издано распоряженіе „о занятіи въ Сибири мѣстъ отъ Усть-каменогорской крѣпости по р. Бухтармѣ и далѣе до Телецкаго озера; о построеніи тамъ въ удобныхъ мѣстахъ крѣпостей и о заселеніи той страны по рѣкамъ: Удѣ, Ульбѣ, Березовкѣ, Глубокой и по прочимъ рѣчкамъ, впадающимъ въ оныя и въ Иртышъ-рѣку, русскими людьми до 2000 человекъ (П. С. З. № 11124)“, а для приведенія въ исполненіе этого распоряженія былъ назначенъ Генераль-Поручикъ Шпрингеръ; въ 1761 г. для изслѣдованія пограничныхъ джунгарскихъ горъ посланы рудокопы и геодезисты, подъ начальствомъ Маіора Петрова (по Герману, Петрулина), съ

отрядомъ въ 500 человекъ*) и издано распоряженіе о присылкѣ на Иртышскую линію для работъ тѣхъ ко-
лодниковъ, которыхъ ранѣе пересылали въ Нерченскіе
заводы (П. С. З. № 11331); въ 1763 г. основана, при впаденіи
р. Бухтармы въ Иртышъ, крѣпость Бухтарминская для
воспрепятствованія непріятельскимъ судамъ выхода
изъ озера Зайсана внизъ по р. Иртышу и „для торга
съ Бухаріей и Индією“ (П. С. З. № 11931) и снаряже-
на экспедиція Генезера и Зеленаго къ озеру Норъ-
Зайсанъ и на Черный Иртышъ для выясненія вопро-
са: „могутъ ли китайцы вторгнуться въ Сибирь на су-
дахъ по Иртышу“;**) въ 1764 г. заселенъ ссыльными
почтовый трактъ черезъ Барабу; въ 1765 г. учреждены
въ крѣпостяхъ по сибирскимъ линіямъ коменданты
(П. С. З. № 12410). Тогда же по распоряженію гене-
ралъ поручика Шпрингера, въ залогъ покорности при-
граничныхъ киргизъ-кайсаковъ установлено брать у
нихъ аманатовъ и запрещено допускать кочевниковъ
къ пограничной линіи ближе 10-верстъ, доступъ къ
которой могъ быть лишь съ дозволенія русскаго воен-
но-пограничнаго начальства***). (26)

Помимо этого генералъ Шпрингеръ обратилъ вни-
маніе и на необходимость болѣе широкой колонизаціи

*) Къ этой экспедиціи, открывшей многія руды и снявшей
джунгарскія горы на карту, былъ присоединенъ Штабъ-хирургъ
Кизингъ съ порученіемъ сдѣлать изысканія, касающіяся естествен-
ной исторіи и древностей страны (Риттера, землевѣд. Азии т. II,
300) (25)

**) Экспедиція эта возвратилась съ извѣстіемъ, что ни лодокъ,
ни лѣсу для ихъ постройки въ зайсанскомъ краѣ и въ долинѣ Чер-
наго Иртыша нѣтъ. (Щегловъ. хронолог. 274).

***) Полоса земли шириною въ 10 верстъ, вдоль Иртыша и
прѣсногорьковской линіи, подъ названіемъ степнаго 10 верст. про-
странства, съ начала настоящаго столѣтія предоставлена въ поль-
зованіе сиб. кав. войска.

трехъ пограничныхъ линій: прѣсногорьковской, иртышской и кузнецко-колыванской, общее протяженіе которыхъ составляло 2125 верстъ. На всѣхъ этихъ линіяхъ генераль Шпрингеръ засталъ 98 укрѣпленныхъ пунктовъ и 7578 человекъ регулярныхъ войскъ и нерегулярныхъ командъ, въ средѣ которыхъ крѣпостныхъ казаковъ было только 779 человекъ, да и то изнуренныхъ тягостными казенными работами и лишенныхъ какого бы то ни было благосостоянія. Чтобы дать этимъ мѣстнымъ казакамъ возможность, вмѣстѣ съ исполненіемъ военно-служебныхъ обязанностей, заняться улучшеніемъ своего благосостоянія, Шпрингеръ хлопоталъ увеличить ихъ численность переселеніемъ на здѣшнюю границу всѣхъ казаковъ, проживающихъ по сибирскимъ городамъ. Изъ нихъ онъ полагалъ образовать на пограничныхъ линіяхъ мѣстное сибирское казачье войско изъ пяти полковъ, по 1000 человекъ въ каждомъ, и если не успѣлъ осуществить этотъ проектъ, въ то время, то своими представленіями достигъ все таки, что съ того времени правительство начинаетъ стремиться къ развитію на этой окраинѣ культурнаго элемента, а мѣстнымъ крѣпостнымъ казакамъ предоставлять облегченія и льготы. Первымъ дѣломъ крѣпостные казаки были освобождены отъ тягостной повинности казеннаго хлѣбопашества, а въ 1770 г. они выведены изъ батраческаго положенія даровыхъ военно-рабочихъ командъ; тогда же имъ дано было право производить при крѣпостяхъ мѣстовую торговлю съ кочевниками. Въ 1773 г. состоялось повелѣніе (13967) „объ отводѣ изъ лежащихъ по Иртышской линіи земель, на которыхъ производилось казенное хлѣбопашество, тамошнимъ казакамъ и поселящикамъ по 6-ти десятинъ на душу“, а въ 1801 году было разрѣшено казакамъ ѣздить въ киргизскую степь для рыболовства и собиранія дикорастущаго хмѣля, при чемъ они освобождались отъ платежа таможенныхъ пошлинъ. (П. С. З. № 20020)

Между тѣмъ, все съ тою-же цѣлью развитія мѣстной колонизаціи, разрѣшено было на пограничныхъ линіяхъ селиться крестьянамъ особыми деревнями и форпостатами при казачьихъ форпостахъ, а также неоднократно обращались и къ мѣстамъ принудительнаго заселенія. Такъ въ 1770 г. были зачислены въ пограничное казачество 138 запорожцевъ, захваченныхъ изъ партіи Желѣзняка и Жвачки, производившихъ беспорядки и самовольства въ Польшѣ, кромѣ того въ разное время были записаны въ казаки мало-важные преступники и плѣнные изъ польскихъ конфедератовъ, а въ самомъ исходѣ прошлаго вѣка: въ 1797, 1798 и 1799 г.г. были обращены въ казачье сословіе мѣстные солдатеки дѣти, въ числѣ 2000 чел.

При такихъ условіяхъ приращенія, мѣстное казачество на здѣшнихъ пограничныхъ линіяхъ, въ началѣ ныняшняго столѣтія, возрасло численностью до 6000 чел. муж. пол. и чтобы придать ему опредѣленную организацію въ военномъ и гражданскомъ отношеніяхъ, 19 августа 1808 г. послѣдовало Высочайшее утвержденіе перваго штата Сибирскаго линейнаго казачьяго войска, которое и было тогда же сформировано изъ 5950 человекъ (27); при чемъ новому казачьему войску вмѣнено было въ обязанность служить съ 17 лѣтняго возраста-пожизненно, пока достанетъ силъ, составлять 10 полковъ, по 500 чел. въ каждомъ, получать земельный надѣлъ по 6 десятинъ на душу, пользоваться жалованьемъ по 6 руб. 16½ коп., муки 3 четв. и овса 7 четв. каждому въ годъ, заготовлять сѣно по цѣнѣ 2 коп. сер. съ пуда и производить рыбную ловлю въ Иртышѣ, выше Бухтармы. (Щегловъ, Хрон. 371)

Оставшись въ томъ же году единственною каватерією въ Западной Сибири, вновь созданное казачье войско пріобрѣтаетъ во всемъ краѣ значеніе важнѣйшаго орудія въ рукахъ правительства и сибирской администраціи для умиротворенія киргизъ-кайсацкихъ степеней. (28)

Ранѣе уже упоминалось, что киргизъ-кайсаки тотчасъ послѣ паденія Джунгаріи не преминули воспользоваться опустѣвшими джунгарскими землями и расширили свои владѣнія на востокъ до р. Иртыша. Войдя, такимъ образомъ, въ соприкосновеніе съ пограничною русскою линіею киргизъ-кайсаки начали вступать съ русскими въ торговыя сношенія. Но такъ какъ на это требовалось разрѣшеніе высшаго Правительства, то въ 1760 году Султанъ Абдулъ-Фаизъ отправилъ въ С.-Петербургъ своихъ довѣренныхъ Бекъ-Мурзу и Худайбергена. Русское Правительство, заботясь о поддержаніи торговыхъ сношеній съ новыми своими сосѣдями на Иртышской линіи, уважило ходатайство Абдулъ-Фаиза и въ 1764 году для торговаго сношенія съ киргизъ-кайсаками въ 15 верстахъ выше тогдашней Семипалатинской крѣпости, противъ развалинъ семи палатъ, на лѣвомъ берегу Иртыша былъ устроенъ особый мѣнновой дворъ (29), послужившій впослѣдствіи основаніемъ нынѣшней Семипалатинской зарѣчной слободки, въ 1765 г. такой-же мѣнновой дворъ былъ устроенъ въ Устькаменогорской крѣпости, въ 1767 году—въ Желѣзинской, а въ 1803 г.—въ Бухтарминской. (30).

Такія заботы о привлеченіи торговли со степью на нашу линію имѣли тѣмъ большее основаніе, что китайцы сами стремились установить эту торговлю; для чего грамотою Богдохана Изянь-Луни киргизъ-кайсамъ средней орды предоставлено было въ 1763 г. кочевать въ принадлежавшихъ Джунгарамъ степяхъ, съ платою по одной лошади со ста и по одному барану съ тысячи и производить торгъ въ Кульджѣ и Чугучакѣ (31).

Устройство же мѣнноваго двора около семи обветшалыхъ чудескихъ палатъ оказалось весьма полезнымъ и въ коммерческомъ, и стратегическомъ отношеніяхъ. Со стороны коммерческой мѣнновой дворъ принесъ ту выгоду, что привлекъ торговлю не только киргизъ-кайсаковъ, но и

другихъ азіятцевъ, а чрезъ посредство ихъ и русскіе могли сбывать свои произведенія, и даже въ тотъ самый Китай, непосредственная торговля съ которымъ на Иртышской линіи была запрещена (32); со стороны стратегической—потому, что на другой сторонѣ рѣки, противъ мѣноваго двора, возникла изъ одинокой батареи большая крѣпость, нынѣ областной городъ Семипалатинскъ.

Вопросъ о перенесеніи на новое мѣсто Семипалатинской крѣпости, основанной въ 1718 году, въ виду неудобнаго ея мѣстоположенія, былъ возбужденъ Генераль Поручикомъ Шпрингеромъ. Онъ ходатайствовалъ о перенесеніи крѣпости именно къ семи палатамъ, въ виду того, что крѣпость, построенная на этомъ мѣстѣ, открытомъ и господствующемъ надъ окрестностью, болѣе удовлетворяла своимъ цѣлямъ, чѣмъ старая въ 15 верстахъ ниже по рѣкѣ.

Предположеніе Начальника Сибирской линіи Шпрингера о перенесеніи Семипалатинской крѣпости со стараго мѣста къ мѣновому двору было утверждено въ 1767 г., но приведеніе въ исполненіе этого предположенія останавливалось до 1776 года, когда и началась постройка крѣпости, подъ наблюденіемъ капитана Андреева. Въ слѣдующемъ году въ крѣпости была заложена каменная церковь*) и закончена постройка казенныхъ зданій, а 18 іюля 1778 г. пріѣхалъ комендантъ крѣпости Полковникъ Титовъ со штабомъ, поручивъ завѣдываніе старою крѣпостью Маіору Соколову. (34) Черезъ 6 лѣтъ, послѣ своей постройки, крѣпость бы-

*) Эта церковь, однако, не будучи освящена, сгорѣла 14 Сентября 1790 г., во время бывшаго въ крѣпости большого пожара. По сообщенію г. Земляничина, во время этого пожара, кромѣ только что достроенной церкви, сгорѣла почти половина всѣхъ обывательскихъ домовъ. (33)

ла переименована въ уѣздный городъ Колыванской области, открытой въ 1780 г., а съ учрежденіемъ Колыванскаго Намѣстничества въ 1783 г., Семипалатинскъ назначенъ уѣзднымъ городомъ Колыванской губерніи. Съ упраздненіемъ Колыванскаго намѣстничества и съ новымъ административнымъ раздѣленіемъ Сибири въ 1796 году, Семипалатинскъ приписывается къ Тобольской губерніи, сначала какъ заштатный городъ, а затѣмъ, въ томъ же году, переименовывается въ уѣздный, для того, чтобы въ 1804 году потерять и это небольшое административное значеніе и снова сдѣлаться заштатнымъ городомъ, каковымъ Семипалатинскъ и числился до 1822 года (35). Въ этомъ году произошло раздѣленіе Сибири на Восточную и Западную, и изданы „Сибирское учрежденіе“ и „Уставъ сибирскихъ киргизовъ“ Графа Сперанскаго, который предложилъ ввести въ киргизскихъ степяхъ русское управленіе и тѣмъ самымъ положить начало русскому вліянію въ глубинѣ степей и постепенному умиротворенію киргизъ-кайсацкихъ ордъ.

Киргизъ-кайсаки средней орды, хотя и приняли русское подданство еще въ 1732 году, при ханѣ Шемьякѣ и хотя нѣсколько разъ потомъ повторяли свою присягу, однако, почти столѣтіе киргизская степь была только въ фиктивной покорности Россіи; отъ этихъ подданныхъ мы продолжали ограждаться линіями и укрѣпленіями.*) Киргизъ-кайсацкіе ханы, присягая на вѣрность Россіи, въ то же время не стѣснялись вступать въ подданство сначала Джунгаріи, а съ паденіемъ этого царства, — Китая. Шайки киргизъ-кайсаковъ врывались на линію, грабили русскихъ скитателей, уводили ихъ въ плѣнъ, а въ степи, нападая на

*) Такъ еще въ 1803 году было издано распоряженіе „объ учрежденіи кордонной стражи противъ киргизъ—кайсаковъ“. (№ 20796)

русскіе караваны, тормозили развитіе нашей торговли съ средне-азіатскими ханствами.*)

Главная причина такого плачевнаго положенія дѣлъ въ степи заключалась въ томъ, что русскія власти съ самаго начала подчиненія киргизъ-кайсаковъ приняли ошибочную систему управленія новымъ народомъ и стали дѣйствовать наперекоръ ихъ исконнымъ обычаямъ и понятіямъ. Ханское достоинство было навсегда утверждено въ потомствѣ Абуль-хаира, при чемъ наследовали не братья умершаго хана, какъ слѣдовало бы по обычаю киргизъ-кайсаковъ, а сыновья, племянники и другіе родственники. Оренбургское начальство, назначая хановъ, не обращало вниманія на желаніе народа и только заботилось о томъ, чтобы вновь назначенный ханъ былъ чеповѣкъ, преданный Россіи. Между тѣмъ эти ханы не могли въ точности исполнять присягу и держать сторону русскихъ интересовъ: они были въ степи слишкомъ слабы для этого, мало могли вліять на народъ и въ глазахъ его не имѣли ровно никакого значенія. Правда, нѣкоторые ханы выдѣлялись изъ общаго уровня, они

*) Первое время русскіе не рѣшались даже непосредственно торговать въ степи, а производили торговлю чрезъ прикащиковъ-татаръ, знакомыхъ съ обычаями и языкомъ кочевниковъ, такъ какъ послѣдніе относились къ русскимъ очень враждебно и весьма часто грабили русскіе караваны. Въ виду этого, въ 1800 году въ Семипалатинскѣ былъ учрежденъ пограничный судъ, для разбора дѣлъ объ ограбленіи киргизами каравановъ. Около того же времени было повелѣно проходящимъ черезъ степь караванамъ давать конвой изъ казаковъ; но такъ какъ эта мѣра еще больше развивала вражду киргизъ къ русскимъ купцамъ, потому что послѣдніе не рѣдко пользовались конвоемъ для насильственнаго взысканія съ киргизъ долговъ, то, послѣ нѣкоторыхъ открывшихся сильныхъ злоупотребленій, мѣра эта была отменена. (36)

пользовались въ степи и дѣйствительной силою, и огромнымъ вліяніемъ, но за то такіе ханы и не искали покровительства Россіи, а напротивъ, русское правительство искало съ ними дружбы и просило ихъ, хоть вышнимъ образомъ, для глазъ народа, исполнять обязанности вѣрноподданнаго. Таковъ былъ султанъ Аблай, получившій въ 1778 году*) титулъ хана Средней орды. Вступая, смотря по обстоятельствамъ, въ подданство то Россіи, то Китая, онъ сумѣлъ сохранить фактическую независимость Средней орды до самой своей смерти, т. е. до 1781 г. (37).

Такимъ образомъ, дѣйствуя наперекоръ исконнымъ обычаямъ и понятіямъ киргизъ, русская власть въ то же время какъ-бы остерегалась удалиться отъ приграничныхъ линій въ глубину степи и тамъ возможно шире распространять свое вліяніе; да она, повидимому, и не заботилась объ этомъ, такъ какъ совершенно не вмѣшивалась въ дѣла внутренняго управленія кочевниковъ, а ограничивалась лишь поддержкою поставленныхъ хановъ**).

*) Собственно въ 1778 г. 22 октября онъ былъ лишь утвержденъ въ этомъ званіи, въ дѣйствительности же ханомъ онъ сталъ называться съ 1771 г.

**) Къ этому нелишне добавить, что русское правительство не только не стремилось къ распространенію своего вліянія, но даже не хотѣло въ степи пролить свѣтъ православной вѣры, а сознательно заботилось еще шире распространить между киргизами исламъ „въ подрывъ вліянію на нихъ среднеазіатскихъ ходжей“, для чего на пограничныхъ линіяхъ назначены были (1784 г.) муллы, изъ числа служилыхъ тобольскихъ татаръ, съ жалованьемъ отъ русскаго правительства, а ранѣе сего (въ 1782 г.) было издано распоряженіе о построеніи мечетей на границахъ, прилегающихъ къ кочевью средней киргизъ-кайсацкой орды. Въ 1783 г. въ Уфѣ учреждено духовное собраніе и назначенъ Муфтіи для за-вѣдыванія воими чинами магометанскаго населенія Имперіи. (38)

Народъ-же киргизскій, не желая признавать хановъ, избранныхъ помимо народной воли, волновался и не видя отъ русскихъ защиты и подчасъ угнетаемый ханами, — русскими ставленниками, — естественно, очень медленно приходилъ въ тѣсное сближеніе съ русскими и обращался подъ покровительство русской власти только въ исключительные моменты, когда иного лучшаго выхода для него не оставалось. Такъ было, напри- мѣръ, въ концѣ прошлаго столѣтія, когда киргизъ-кайсаки средней орды, вѣдѣтвіе своихъ домашнихъ неурядицъ, обратились къ русскому правительству съ просьбою о дозволеніи имъ переселиться на правую сторону р. Иртыша. (39)

Только съ начала 20-тыхъ годовъ настоящаго столѣтія русское правительство сильно измѣняетъ свою политику относительно киргизъ-кайсаковъ и вводитъ въ степи постепенно, но настойчиво новые порядки, оказавшіеся благотѣльными для обѣихъ сторонъ.

Въ 1821 году умираетъ послѣдній ханъ Средней орды — Вали. Русское правительство воспользовалось этимъ обстоятельствомъ и, не назначая ему пріемника, вмѣстѣ съ тѣмъ, признало полезнымъ вообще упразднить это званіе.

Въ 1822 году Высочайше утвержденъ уставъ о сибирскихъ киргизахъ, на основаніи котораго была образована Омская область и г. Семипалатинскъ возведенъ на степень окружнаго города вновь образованной области, а киргизская степь *) раздѣлилась на округа, округа на волости, волости на аулы. Въ аулѣ полагалось отъ 50 до 70 кибитокъ, а въ волости отъ 10 до 15 ауловъ; изъ 15—20 волостей составлялись округа. Ихъ составляли, по возможности, изъ волостей, считавшихся въ одномъ родѣ или поколѣніи. Къ каждому округу было при-

*) Собственно та часть ея, которая примыкала къ Сибири, до другой-же части ея, Оренбургской, этотъ уставъ не касался.

числено известное пространство земли, куда жители другого округа, безъ особаго разрѣшенія мѣстнаго начальства, не допускались. Управление аулами было ввѣрено Старшинамъ, а во главѣ волостей поставлены Султаны, при которыхъ полагались Письмоводители и Толмачи. (Для судебныхъ разбирательствъ въ аулахъ и волостяхъ, почетные киргизы удержали свое значеніе). Округа-же управлялись Старшими Султанами, избираемыми волостями; въ каждомъ такомъ округѣ, подъ предѣлательствомъ Старшихъ Султановъ и изъ двухъ засѣдателей русскихъ и двухъ почетныхъ киргизъ, былъ образованъ приказъ, въ которомъ вѣдались всѣ дѣла по управленіямъ судебному и полицейскому. (40) Кромѣ того, тогда-же было опредѣлено съ киргизъ ежегодно собирать ясакъ скотомъ.

Первый приказъ въ нынѣшней Семипалатинской области былъ открытъ Каркаралинскій въ 1824 г., тогда-же образовалось и первое поселеніе въ семипалатинской степи—Каркаралинское; въ 1826 году основалось второе русское поселеніе Баянъ-аульское, а въ 1833 г. открылся Баянъ-аульскій внѣшній округъ; въ 1830 г. началась постройка поселенія Кокпектинскаго, которое черезъ 6 лѣтъ переименовано въ станицу, а въ 1844 году открылся Кокпектинскій внѣшній округъ; въ 1831 г. основанъ Аягузъ (въ 1860 г. переименованный въ г. Сергіополь) и тогда же открытъ Аягузскій внѣшній округъ.

Въ 1838 году Омская область упразднена*), а взамѣнь ея учреждено пограничное Управление областью Сибир-

*) Вмѣстѣ съ этимъ, въ томъ же 1838 г., окончательно упразднена Семипалатинская крѣпость и уничтожено въ ней комендантское управленіе; въ 1841 г. комендантскія управленія упразднены въ крѣпостяхъ Бухтарменской и Устькаменогорской; между тѣмъ крѣпость Устькаменогорская упразднена лишь въ 1876 году.

скихъ киргизовъ (въ г. Омскѣ), при чемъ (въ 1839 г.) мѣстопробываніе Генераль-Губернатора и Главнаго Управленія Западной Сибири установлено въ г. Омскѣ, а г. Семиналатинскъ и крѣпость Устькаменогорская (въ качествѣ зажиточныхъ городовъ), съ казачьими станицами на Иртышской линіи, причислены къ Бійскому Округу, Томской губерніи. (41)

Но такъ какъ вновь образованная область заняла огромныя пространства, то неудобство административнаго подчиненія обширнѣйшей области одному начальнику, обнаружилось очень скоро, въ особенности, по отношенію къ управленію киргизами, перешедшими на правую сторону р. Иртыша и названными „внутренними“.

Среди послѣднихъ не былъ введенъ въ дѣйствіе уставъ о сибирскихъ киргизахъ, а между тѣмъ они оставались приписанными къ „внѣшнимъ“, степнымъ округамъ; такое положеніе внутреннихъ киргизъ (число которыхъ превышало въ то время 16000 кибитокъ) было крайне не нормально: во первыхъ, окружные приказы внѣшнихъ округовъ, по своей отдаленности, не могли имѣть ближайшій надзоръ за киргизами, земли которыхъ отдѣлялись отъ внѣшнихъ округовъ десяти-верстнымъ пространствомъ казачьихъ земель; во вторыхъ, кочуя по близости крестьянскихъ и казачьихъ селеній, они постоянно сталкивались съ сосѣдями и ихъ тянули на расправу въ земскіе суды Омскаго, Колыванскаго, Барнаульскаго и Бійскаго уѣздовъ, хотя они и не были подчинены этимъ судамъ никакими распоряженіями правительства. Но мало того, подчиняясь своему пограничному начальству и начальству двухъ смежныхъ губерній, они подчинялись также и казачьему начальству и управленію Алтайскаго горнаго округа. Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ у внутреннихъ киргизъ, они сами обратились съ просьбою о введеніи между ними устройства и законнаго порядка, соглашаясь даже

платить возвышенный ясакъ, но только въ 1854 году правительство приняло къ убѣжденію о необходимости раздѣлить пограничное управленіе и создать еще одинъ административный центръ, которымъ и былъ избранъ г. Семипалатинскъ. (42)

Указомъ 19 мая 1854 г. повелѣно образовать въ степи двѣ области: Семипалатинскую, съ административнымъ центромъ въ г. Семипалатинскѣ и область сибирскихъ киргизовъ, съ центромъ въ г. Омскѣ „безъ измѣненія существовавшаго до того порядка управленія“. Въ составъ учрежденной Семипалатинской области входили: киргизы, кочующіе на внутренней сторонѣ Сибирской линіи, по правую сторону р. Иртыша, Кокпектинскій и Аягузскій вѣшніе округа, при чемъ Кокпекты и Аягузь переименованы въ окружные города, станица Копальская (основан. въ 1847 г., а въ 1854 г. переименована въ окружный городъ), съ принадлежащими къ ней укрѣпленіями и землями; города Семипалатинскъ и Устькаменогорскъ, и укрѣпленія Бухтарминское, и Заилійское. Округа же Баянъ-аульскій и Каркаралинскій отошли къ области Сибирскихъ киргизовъ. (43)

Такимъ образомъ, по мѣрѣ постепеннаго распространенія дѣйствія учрежденій Графа Сперанскаго, въ глубинѣ страны развивалась и крѣпла русская колонизація, а съ нею и Государственный порядокъ охватывалъ все больше и больше жизнь кочеваго народа. Благодаря этому въ Сибирской степи мѣстности, занятія въ позднѣйшее, сравнительно, время, каковы округа Копальскій и Алатавскій (открытый въ 1854 г.), стали превосходить спокойствіемъ и благоустройствомъ давно присоединенныя къ Имперіи части Оренбургской степи, гдѣ продолжала дѣйствовать, правда, немного измѣненная, но, въ сущности, прежняя пограничная система.

Необходимость принятія общихъ началъ для управле-

нія киргизскими степями Сибири и Оренбургскаго края хотя и признавалось правительствомъ раньше*), но, благодаря нѣкоторымъ политическимъ условіямъ, только въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ было предположено безотлагательно принять мѣры къ объединенію, цѣли и образа дѣйствій въ обѣихъ степяхъ (44).

Объединеніе это было достигнуто изданіемъ Временнаго Положенія, Высочайше утвержденнаго 21 октября 1868 г., объ управленіи въ областяхъ Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской. Въ силу этого положенія степи признаны государственною собственностью, султанская власть и окружные приказы уничтожены, киргизамъ предоставлено народное управленіе и, вмѣсто округовъ, учреждены уѣзды, при чемъ кочевое населеніе уѣздовъ раздѣлено, попрежнему, на волости, волости — на аулы, но съ тѣмъ измѣненіемъ, что въ аулѣ опредѣлено отъ 100 до 200 кибитокъ, а въ волости отъ 1000 до 2000 кибитокъ.

Тогда же положено было Семипалатинскую область составить изъ бывшихъ округовъ: внутренняго Семипалатинскаго и внѣшнихъ: Кокпектинскаго, Баян-аульскаго, Каркаралинскаго, изъ сѣверной части Сергіопольскаго**) (Аягузскаго), изъ Зайсанскаго края и изъ казачьихъ земель: части 6, 7 и 8 полковыхъ округовъ сибирскаго казачьяго войска.***) (45)

Преобразованная, такимъ образомъ, Семипалатинская область была раздѣлена на 4 уѣзда, а именно: Павло-

*) Необходимость болѣе прочнаго водворенія правительственной власти въ Оренбургской степи указана была неудачнымъ исходомъ хивинской экспедиціи 1839—1840 г.г. и безпорядками, вызванными бунтомъ султана Кенисары Касимова (1837—1847 г.г.)

**) Южная часть Сергіопольскаго (Аягузскаго) округа и земли станицы Копальской, съ укр. Заилійскимъ, отошли отъ Семипалатинской области еще въ 1867 г. къ образованной тогда Семирѣченской области.

***) Смотр. приложение № 2.

дарскій, съ городомъ Павлодаромъ (образован. въ 1861 г. изъ бывшей Коряковской станицы), Семипалатинскій, съ городомъ Семипалатинскимъ, который, въ то—же время, назначенъ былъ областнымъ городомъ, Кокпектинскій, съ городомъ Кокпектами и Каркаралинскій; въ послѣднемъ уѣздѣ города не назначалось, а управление уѣздомъ было помѣщено въ станицѣ Каркаралинской, которой были предоставлены права городского поселенія. Зайсанскій—же край составилъ особое приставство, (46) управление котораго было помѣщено во вновь открытомъ (1868 г.) военномъ посту Джэминн (переименованный въ 1871 г. въ Зайсанскій), около котораго въ 1870 году образовалась станица Зайсанская. Приставство первоначально было образовано изъ земель, отошедшихъ къ Россіи по Чугучакскому договору 1864 года, но съ проведеніемъ въ натурѣ въ 1869 г. Генераль-Маіоромъ Бобковымъ и подполковникомъ Муромцевымъ, вмѣстѣ съ китайскими комиссарами, государственной границы отъ Шабинъ—Дабага до Хабаръ-асу, Зайсанское приставство оказалось раздѣленнымъ озеромъ Зайсаномъ и Чернымъ Иргышемъ на два участка, сообщеніе между которыми было крайне затруднительно. Вмѣстѣ съ тѣмъ и управление Кокпектинскимъ уѣздомъ было поставлено въ неудобное положеніе, вслѣдствіе присоединенія къ этому уѣзду казачьихъ поселеній Бійской и Бухтарминской линій. Въ виду этихъ обстоятельствъ Главное Управленіе Западной Сибири тогда—же распорядилось передѣлить юго-восточную территорію области, образовавъ изъ сѣверныхъ частей территоріи новый уѣздъ—Устькаменогорскій, съ центромъ управленія въ городѣ Устькаменогорскѣ (городомъ съ 1804 г.), а Зайсанское приставство составивъ изъ южныхъ частей, (47) причемъ г. Кокпекты былъ обращенъ въ заштатный городъ сперва Зайсанскаго приставства, а въ 1875 г., за переименованіемъ приставства въ уѣздъ, назначенъ заштат-

нымъ городомъ Зайсанскаго уѣзда, въ которомъ онъ числится и по настоящее время.

Но такъ какъ положеніе 1868 года было „временное“ и вводилось въ дѣйствіе лишь, въ видѣ опыта, на два года, то по истеченіи опытнаго срока было предположено выработать положеніе уже въ окончательной формѣ, сообразно „съ мѣстными условіями края и дѣйствительными потребностями туземнаго населенія“. Однако, это Временное Положеніе просуществовало не два года и не четыре, какъ было предположено въ 1871 году, а почти 25 лѣтъ.

И только съ образованіемъ въ 1882 году Степнаго Генераль-Губернаторства, въ составъ котораго вошла и Семипалатинская область, вопросъ объ измѣненіи положенія 1868 г. вновь выдвинуть былъ впередъ и получилъ должное направленіе, а 25 марта 1891 г. воспослѣдовало Высочайшее утвержденіе Степнаго Положенія, которое и было введено въ дѣйствіе 1 октября 1893 года, взамѣнъ положенія временнаго, которымъ управлялась Семипалатинская область безъ малаго четверть столѣтія.

В. П. Никитинъ.

с 595 Сем
П-150

Арх. 104386/1898

Семипалатинскій Областной Статистическій Комитетъ.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА

СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ

на 1898 г.

СЕМИПАЛАТИНСКЪ.

Типографія Семипалат. Обл. Правленія.

1898.

сп. 94319

Къ вопросу о переходѣ киргизъ Семипалатинской области въ осѣдлое состояніе.

„Народы нисшей культуры должны считаться за равноправныхъ собратій культурныхъ народовъ; они остались на нисшей степени культуры, только благодаря тяжелому сѣпленію географическихъ и историческихъ условий“. Пр. Э. Петри („Наше отношеніе къ народамъ нисшей культуры“, Сибир. Сборн. 1886 г.).

I.

Почти одновременно съ присоединеніемъ къ Россіи киргизскихъ степей, наряду съ другими мѣрами, направленными къ водворенію среди кочевниковъ гражданского порядка, начинаютъ приниматься и мѣры къ развитію среди нихъ земледѣлія, въ чемъ правительство видѣло тогда лучшую гарантію умиротворенія степей. Помимо ассигнованія на этотъ предметъ особыхъ суммъ, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія было разрѣшено киргизамъ, въ случаѣ желанія перейти къ осѣдлой жизни, селиться въ сибирскихъ крестьянскихъ поселеніяхъ, преимущественно среди магометанъ, съ 10-ти лѣтней льготой отъ податей и всякой службы. Мѣры эти и всевозможныя поощренія, до наградъ включительно*), не дали никакихъ замѣтныхъ результатовъ и киргизы долгое время спустя крайне недружелюбно относились ко всякимъ

*) Напр., султанъ Дасанъ Ханбабинъ въ 1833 г. получилъ топазовый перстень въ награду за обработку полей около Кокисковъ.

попыткамъ упрочить среди нихъ земледѣліе. Такъ, киргизская депутація, ѣздившая въ 1829 г. въ Петербургъ, для представленія Государю, между прочимъ просила не распространять въ степяхъ земледѣлія.

Въ чемъ же заключались причины этого явленія?

Прииртышскія степи издавна служили мѣстопробываніемъ кочевыхъ киргизскихъ родовъ, которые, при вѣчной борьбѣ другъ съ другомъ и съ сосѣдними племенами, не могли, конечно, создать условій, необходимыхъ для осѣдлаго образа жизни. Безграничное пріоволье степей дало возможность возникнуть здѣсь скотоводству на самыхъ экстензивныхъ началахъ. Строгіе условія родового быта служили трудно преодолимымъ препятствіемъ ко всякимъ «новшествамъ», ко всякому проявленію личной инициативы. Каждый долженъ былъ жить такъ, какъ изстари живетъ весь родъ, какъ завѣщали отцы и предки. Теряя связь съ родомъ, кочевникъ терялъ и всѣ свои права. А сущность этихъ послѣднихъ заключалась, главнымъ образомъ, въ правѣ каждаго сородича пользоваться родовой землею, на равныхъ началахъ съ другими, какъ для пастбы скота, такъ и для устройства зимняго стойбища. Все хозяйство имѣло строго натуральный характеръ, а мало развитая торговля—мѣновой.

Правда, и среди родовъ были богатые и бѣдные, вліятельные и слабые сородичи, но это дѣленіе имѣло, во первыхъ, не столько юридическій, какъ случайный характеръ, а во вторыхъ, сглаживалось патріархальными обычаями и возможностью для бѣдныхъ добыть себѣ, что надо, барантой*) и набѣгами на сосѣдей. Ни о какомъ, болѣе или менѣе прочномъ, развитіи земледѣлія, при такихъ условіяхъ, нельзя было, конечно, и думать. Зародыши его, по свидѣтельству Левшина**), начинають появляться лишь въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, но не въ силу воздѣйствія указанныхъ выше мѣръ и поощреній, а подъ давленіемъ нужды, при недостаткѣ скота.

Русскому правительству не мало труда стоило измѣнить опи-

*) См. помѣщ. ниже ст. г. фонъ-Герна.

**) А. Левшинъ. „Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей“, СПб., 1832. См. ч. 3 стр. 199. Это сочиненіе, по богатству матеріала, до сихъ поръ можетъ считаться классическимъ.

санный порядокъ вещей. Присоединяя, мало по малу, степи, занятые киргизами, оно вынуждено было отчуждать у кочевниковъ значительныя пространства земли для образованія городовъ и казачьихъ военныхъ линий. Это отчужденіе земли, въ связи съ внутренними смутами, царившими среди кочевниковъ до конца сороковыхъ годовъ, неизбежно должно было въ сильной степени поколебать устои ихъ жизни. Но еще большее, можетъ быть, значеніе для измѣненія киргизскаго быта имѣло введеніе въ степяхъ «Временнаго Положенія» 1868 года, въ силу котораго киргизскія земли были признаны государственною собственностью, султанская власть и окружные приказы уничтожены и образованы уѣзды съ русской администраціей. Еще при введеніи «Устава о сибирскихъ киргизахъ» 1822 г., киргизскіе округа были раздѣлены на волости, сообразно съ родовыми дѣленіями кочевниковъ. Теперь родовой бытъ киргизъ, въ виду политическихъ соображеній, былъ признанъ нежелательнымъ и для образованія волостей приняты совершенно иныя начала, а именно,—опредѣленное число кибитководѣльцевъ и сосѣднее расположеніе зимовыхъ стойбищъ. Роды, такимъ образомъ, были раздроблены по отдѣльнымъ волостямъ, а иногда даже и ауламъ (подраздѣленія волостей). Этимъ, несомнѣнно, былъ данъ сильный толчекъ къ паденію родового быта у киргизъ^{*)}. Родъ у послѣднихъ, какъ и вездѣ, могъ держаться только при изолированности и сплоченности своихъ членовъ^{**)}; искусственно соединенные другъ съ другомъ, роды повели между собою нескончаемую борьбу, которая съ наибольшей силой проявляется во время избранія должностныхъ лицъ волостного самоуправления. Партіи, чтобы доставить побѣду своимъ кандидатамъ, не останавливаются часто ни передъ какими средствами, и періодъ выборовъ доставляетъ массу хлѣпотъ и труда какъ мѣстной администраціи, такъ и суду. Борьба за власть ведется, конечно, не ради доставляемаго ею нѣчета и т. п., а ради той громадной, въ сущности, силы, какую она даетъ побѣдившей нар-

*) См. „Стенное Положеніе 25 марта 1891 г. съ объясненіями по оффціальнымъ источникамъ“, изд. Земскаго Отдѣла М. В. Д., стр. 65—69.

**) О значеніи для родового быта этой изолированности и сплоченности см. убѣдительнѣйшія страницы въ соч. М. Ковалевскаго „Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія“.

ти. Мы самымъ тщательнымъ образомъ пересмотрѣли десятки киргизскихъ спорныхъ дѣлъ о землепользованіи и раскладкѣ податей и повинностей и почти вездѣ въ этихъ спорахъ были жалобы на покровительство волостныхъ и аульныхъ властей избравшимъ ихъ родамъ. Немудрено, что въ такой борьбѣ ослабѣваютъ постепенно родовыя связи, и есть много признаковъ, позволяющихъ заключить, что при опредѣленіи взаимныхъ отношеній кочевниковъ перевѣсъ начинается пріобрѣтать новый принципъ—это начало не рода, а экономической силы, дѣленіе на богатыхъ и бѣдныхъ. Намъ извѣстенъ не одинъ случай, когда въ волости или старшинствѣ пріобрѣтаютъ вліяніе и власть даже богатые пришельцы—татары, группируя вокругъ себя киргизъ, помимо всякихъ родовыхъ ихъ связей и счетовъ. И будь законная возможность, эти татары, несомнѣнно, сумѣли бы добиться избранія въ волостные управители. На то же ослабленіе родового начала указываетъ, въ значительной степени, и характеръ упомянутыхъ нами споровъ о землепользованіи и раскладкѣ податей и повинностей. Поземельные споры ведутъ между собой не только волости и старшинства, но и сородичи въ предѣлахъ одного и того же старшинства и даже близкіе родственники другъ съ другомъ. Предметомъ спора бываетъ не только владѣніе зимовыми стойбищами и обработанной землей, но и право пасты на лѣтнихъ участкахъ скотъ. Отведенные подъ зимовки участки вытравляются лѣтомъ чужимъ скотомъ; наоборотъ, лѣтнія пастбища захватываются подъ зимовки.

Кто правъ и кто виноватъ въ этихъ спорахъ—рѣшить часто бываетъ очень трудно, такъ какъ нѣкоторые споры тянутся по нѣсколько лѣтъ и обѣ стороны всегда готовы выставить сколько угодно свидѣтелей въ подтвержденіе своихъ правъ. Жалобы, въ этомъ случаѣ, полны ссылками на права предковъ, на притѣсненія со стороны волостныхъ и аульныхъ властей и, что особенно для насъ важно, на захватъ со стороны богатыхъ киргизъ. Последний мотивъ—основной въ спорахъ о землѣ лицъ одного и того же старшинства. И намъ кажется, что не особенно далеко то время, когда неподлежащее раньше никакому сомнѣнію право каждаго сородича пользоваться родовой землей станетъ пустой фикціей безъ всякаго реального содержанія. Фактически земля постепенно пере-

ходить къ богачамъ и безъ внимательства въ поземельные споры высшей администраціи бѣдняки не могли бы отстоять своихъ правъ. Во владѣніи киргизъ находится до сихъ поръ громадный прострѣанства земли, а между тѣмъ, какъ это ни странно на первый взглядъ, среди нихъ много безземельныхъ, которые вынуждены арендовать землю не только у казаковъ, но и другъ у друга. Къ довершенію путаницы, земля даже продается и покупается, хотя это и не разрѣшено закономъ; къ сожалѣнію мы не можемъ, по недостаточности данныхъ, судить ни о самомъ совершеніи, ни о деталяхъ этой сдѣлки. На нее есть только ссылки въ жалобахъ. Если мы добавимъ, что эти поземельные споры часто сопровождаются насиліемъ всякаго вида, разрушеніемъ построекъ, захватомъ скота и т. п. и ведутся иногда по нѣсколько лѣтъ, то мы поймемъ, въ какой степени все это должно вліять на разложеніе современнаго киргизскаго быта.

Такой же характеръ имѣютъ и споры о раскладкѣ податей и повинностей. По закону, сумма кибиточной подати, причитающаяся съ каждой волости, распредѣляется между аульными обществами волостнымъ съѣздомъ, а сумма, павшая, такимъ образомъ, на долю каждаго аульнаго общества, распредѣляется аульнымъ съѣздомъ между отдѣльными кибитковладѣльцами, сообразно со степенью ихъ благосостоянія, съ круговой порукой. Тѣми же съѣздами и на тѣхъ же основаніяхъ производится раскладка и земскихъ сборовъ и повинностей. Въ принципѣ, трудно, конечно, признать болѣе справедливымъ порядокъ, ибо кому же, какъ не самому аульному обществу, знать состояніе своихъ сочленовъ? А между тѣмъ вотъ эта то раскладка и является предметомъ постоянныхъ споровъ и жалобъ, такъ какъ на волостныхъ съѣздахъ богатые и вліятельныя старшинства стараются наложить какъ можно больше сборовъ на слабыя старшинства, на аульных же съѣздахъ — богачи на бѣдняковъ. Въ послѣднемъ случаѣ принципъ рода не играетъ уже почти никакой роли, а исключительно вліяютъ власть и богатство.

Волостные управители часто объясняютъ неравномѣрность раскладки денежныхъ сборовъ тѣмъ, что большую часть натуральныхъ повинностей приходится отправлять богачамъ. Но и это не правда. Послѣ самыхъ тщательныхъ разспросовъ у лицъ, хорошо

знающихъ киргизскую жизнь, мы, не боясь ошибки, можемъ смѣло утверждать, что фактически большая часть натуральныхъ повинностей отправляется бѣдняками и средними киргизами, богачей же бояться трогать. Если имъ и придется выставить по какому нибудь случаю особенно дорогую юрту, то они съ лихвой вознаграждать себя «кара-чагыномъ»^{*)}). Богачи—сила, и не даромъ киргизская поговорка говоритъ: «не тягайся съ богатымъ, не борись съ богатыремъ»....

Наконецъ, помимо указанныхъ факторовъ, поколебавшихъ устои стараго киргизскаго быта, необходимо указать еще на неизбежное вліяніе столкновенія дикарей—кочевниковъ съ порядками и строемъ совсѣмъ чуждой для нихъ жизни. Натуральное киргизское хозяйство, при которомъ каждая семья своимъ трудомъ производила почти все необходимое для удовлетворенія своихъ несложныхъ потребностей, затрещало по всѣмъ швамъ и киргизскому народу, вѣроятно, не дешево обошлось, особенно въ первое время, знакомство съ товарнымъ обмѣномъ. Послѣ уничтоженія въ 1868 г. таможенныхъ линій, отдѣлившихъ киргизскія степи отъ остальной Сибири, онѣ наполнились торгошами, преимущественно изъ татаръ и сартовъ, которые и сумѣли, въ недолгое время, закабалить себѣ массу кочевниковъ. Въ еще большей степени отразилось разлагающее вліяніе татаръ и сартовъ на духовномъ строѣ киргизъ, на ихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ, но это вопросъ столь сложный и обширный, что мы не рѣшаемся здѣсь его касаться.

II.

Мы отмѣтили, въ общихъ чертахъ, факторы, игравшіе наибольшую роль въ жизни киргизскаго народа со времени присоединенія его къ Россіи до начала 90-хъ годовъ^{**)}). Каковы же были результаты воздѣйствія этихъ факторовъ, какъ отразились они на благосостояніи кочевниковъ?

Прежде всего мы должны оговориться, что точныхъ статистическихъ данныхъ объ экономическомъ положеніи киргизъ мы не

*) „Кара-чагынъ“ буквально черныи сборъ; такъ называютъ киргизы незаконные сборы.

**) Просимъ помнить, что рѣчь идетъ преимущественно о той части этого народа, которая занимаетъ нынѣшнюю Семипалатинскую область.

имѣемъ до сего времени. Такъ называемая текущая статистика въ степи, въ силу многихъ причинъ, поставлена крайне неудовлетворительно и къ ея выводамъ надо относиться съ осторожностью, сопоставляя ихъ—и тѣмъ провѣряя—со всей совокупностью свѣдѣній о киргизской жизни.

Конечно, указанные выводы получаютъ тѣмъ большую достовѣрность, чѣмъ болѣе долговременныя наблюденія мы примемъ за матеріалъ для нихъ. Такимъ путемъ, не говоря о большей точности, мы безошибочно можемъ познакомиться съ тенденціями явленій въ ту или иную сторону, а это для насъ и есть самое важное.

Все старые изслѣдователи киргизской жизни—Левшинъ, И. Завалишинъ*) и др.—единогласно свидѣтельствуютъ объ имущественномъ достаткѣ киргизъ, о дикой свободѣ и патріархальномъ характерѣ ихъ жизни. Конечно, съ европейской точки зрѣнія, это была грубая и «некультурная» жизнь, но кочевники, по своему, были богаты и довольны. «Стада овецъ—говоритъ Левшинъ—изумляютъ здѣсь (т. е. въ киргизскихъ степяхъ) многочисленностью своею. Едва-ли есть гдѣ нибудь въ мірѣ такая страна, въ которой бы видно было ихъ болѣе. Богатѣйшіе изъ киргизъ имѣютъ оныхъ тысячъ по двадцати». Скотъ стоилъ дешево и на поминкахъ каждаго болѣе или менѣе богатаго киргиза закалывали на угощеніе сородичей по нѣскольکو сотенъ и тысячъ барановъ и десятковъ и сотенъ лошадей**).

И въ то время, у киргизъ были, разумѣется, бѣдные люди, но, какъ мы сказали выше, положеніе ихъ было несравненно легче, чѣмъ теперь, благодаря крѣпости патріархальныхъ обычаевъ, налагавшихъ на богатыхъ заботу о своихъ бѣдныхъ сородичахъ. Правда, у киргизъ существовало рабство, но, во первыхъ, рабами были пѣвники, а во вторыхъ, оно было мало развито, почему мы и находимъ возможнымъ вовсе не касаться этого явленія киргизской жизни.

*) „Описание Западной Сибири“ т. III „Сибирско-киргизская степь“, соч. Ипполита Завалишина, Москва 1867.

**) См. Левшинъ, указанное выше сочленіе, стр. 116, 187 и др.

Чѣмъ позднѣе описанія киргизскаго быта*), тѣмъ болѣе является указаній на объединеніе кочевниковъ, на появленіе среди нихъ цѣлой массы лицъ, не имѣющихъ скота—такъ наз. джетаковъ**). При кочевіи хозяйствѣ киргизъ въ скотѣ заключается все ихъ богатство, все достояніе и безъ скота кочевникъ, по мѣткому выраженію г. Маковецкаго «рыба, вытасченная на берегъ». Покамѣстъ были крѣпки родовыя связи, джетаки примыкали къ своимъ болѣе богатымъ сородичамъ, около которыхъ и «кормились». И теперь еще, въ болѣе глухихъ мѣстахъ, каждый богачъ представляетъ изъ себя что-то въ родѣ римскаго патрона, съ цѣлой группой джетаковъ—кліентовъ. Онъ поручаетъ имъ ту или другую работу и жизнь джетаковъ складывается болѣе или менѣе сносно... Здѣсь нѣтъ ни рабства, въ формальномъ смыслѣ этого слова, ни договора найма, и по закону этотъ киргизъ—патронъ ничѣмъ не связанъ, кромѣ завѣтовъ обычнаго права, съ своими кліентами. При случаѣ, они идутъ для богача на баранту, они же фигурируютъ въ качествѣ «свидѣтелей» въ тяжбахъ своего патрона и всегда готовы принести на судъ какія—угодно клятвы, что ихъ патронъ бѣлѣе бѣлаго сѣбѣ. Наконецъ, ничто не мѣшаетъ богачу улатить за нихъ, какъ за кибитковладѣльцевъ, подати и затѣмъ пользоваться ихъ голосами на съѣздахъ и выборахъ. И это бываетъ часто. Но чѣмъ рѣзче проявляется разложеніе родового быта, тѣмъ невозможнѣе становятся эти патриархальныя связи и на сцену выступаетъ грозный вопросъ о при-

*) См. въ Запискахъ Западно Сибирскаго Отд. Имп. Рус. Геогр. О-ва (кн. УІІ, ХVІІ в. 1 и 2 и ХVІІІ в. 2) статьи Гг. Зеланда („Киргизы“), В. Шнэ („Зимовки и другія постоянныя сооруженія кочевниковъ“), Ю. Шмидта („Очеркъ кирг. степи къ югу отъ Арало-Иргыскаго водораздѣла“, особ. стр. 124—6), В. Остафьева („Колонизація степныхъ областей“) и проч. Тотъ же характеръ имѣетъ масса журнальных и газетныхъ замѣтокъ, перечисленіе которыхъ заняло бы слишкомъ много мѣста.

**) По опредѣленію г. фонъ-Герна, „джетаки—переставшіе кочевать кочевники. Такъ называются киргизы, перемѣнившіе кочевой образъ жизни на осѣдлый ради занятія земледѣліемъ или торговлею, а также и киргизы, лишившіеся скота (т. е. возможности къ перекочевкамъ) и поселившіеся около осѣдлыхъ селеній или на пашняхъ“. Вообще въ литературѣ о киргизахъ подъ именемъ джетаковъ разумѣются киргизы, которые, въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ, выбиты изъ строя кочевой жизни. Это понятіе нѣсколько не совпадаетъ съ значеніемъ слова „джетаки“ у самихъ киргизъ, но такъ какъ подробности киргизской терминологіи для обозначенія различныхъ категорій лицъ, стоящихъ на рубежѣ осѣдлаго быта и вовсе переставшихъ кочевать нисколько не содѣйствовали бы разъясненію темы нашей статьи, то мы и будемъ употреблять далѣе слово „джетаки“ въ указанномъ выше широкомъ смыслѣ.

способленіи джетаковъ къ мѣняющимся условіямъ кочевой жизни. Изъ строя ея они, въ сущности, выбиты и при возникающей борьбѣ между богатыми и бѣдными вернуться въ этотъ строй для нихъ часто бываетъ невозможно. Скотъ теперь не такъ легко подарятъ бѣдняку богатые родственники, такъ какъ его можно продать на русскомъ рынкѣ, да и самая земля становится чуть ли не предметомъ купли—продажи и богачи тѣснятъ съ нея бѣдняковъ. И вотъ, часть джетаковъ идетъ въ батраки, въ наемные работники къ богатымъ, а часть, за неимѣніемъ въ степи достаточнаго спроса на рабочую силу, вынуждена бѣжать изъ степи въ казачьи селенія и города. Мы позволимъ себѣ привести здѣсь описаніе положенія джетаковъ въ казачьихъ селеніяхъ, сдѣланное бывшимъ Секретаремъ Семипалатинскаго Областнаго Статистическаго Комитета г. П. Е. Маковецкимъ*).

«Что такое джетакъ? Потерявъ почему либо скотъ—единственное средство для обезпеченнаго существованія въ степи, киргизъ прибывается къ какому-либо сосѣдному осѣдлому пункту. Здѣсь, при совершенно иныхъ, новыхъ, непривычныхъ условіяхъ жизни, киргизъ теряетъ подъ собой почву,—онъ становится безпомощенъ, какъ рыба, вытащенная на берегъ и лишенная родной стихіи. Блѣдный, исхудалый, въ лохмотьяхъ, это—иногда жалкое подобіе человѣка, на котораго нельзя смотрѣть безъ состраданія. Непривыкшій къ работѣ, онъ однако по необходимости долженъ искать работы, чтобы пропитать себя и свое заморенное семейство. Еще куда ни шло лѣтомъ,—лѣтомъ джетака, по крайней мѣрѣ, грѣетъ солнце, онъ дышетъ чистымъ степнымъ воздухомъ, его неприхотливыя жизненные потребности удовлетворяются хоть съ грѣхомъ пополамъ какой-нибудь дырявой и почернѣлой юртой, да небольшимъ количествомъ айрана (баранье кислое молоко). Не то зимою. Жестокіе морозы и снѣжные бураны заставляютъ джетака искать болѣе надежнаго прикрытія, и вотъ онъ идетъ въ поселокъ къ казаку присматривать и ухаживать за скотомъ домашнего хозяина. На скотномъ пригонѣ, стоящемъ иногда отдѣльно отъ жилого двора казака, къ услугамъ джетака небольшая избуш-

*) См. Протоколъ общаго собранія Семипалатинскаго Обл. Статистическаго Комитета, за сѣд. 7-го Ноября 1887 года. Отпечатанъ отдѣльной брошюрой.

ка изъ плетня, щели которой замазаны глиною, забиты землей, а подчасъ и навозною почвой, взятою съ того же скотнаго пригона. Можно себѣ представить, какой жалкой защитой являются эти стѣны въ морозные дни, и какая антигигіеническая атмосфера получается въ такой хатѣ въ оттепель. Остальная обстановка вполне гармонируетъ съ этимъ. Маленькое окно, иногда затанутое пузыремъ, едва пропускаетъ свѣтъ; глиняный полъ, застланный сѣномъ; на стѣнахъ—хомуты и другая сбруя для рабочихъ лошадей казака; тутъ же убогая и грязная рухлядь киргиза,— вотъ обстановка, въ которой проводить зиму джетакъ съ своей семьей. Прибавьте къ этому, что въ ту же избушку помѣщается нарождающийся скотъ, и станетъ ясно, въ какихъ гибельныхъ, ужасныхъ условіяхъ приходится перебиваться киргизу, извергнутому степью. Не встрѣчаемся ли мы здѣсь лицомъ къ лицу съ одной изъ наиболѣе яркихъ и наглядныхъ иллюстрацій явленія, извѣстнаго подъ названіемъ «вымиранія инородца»?

«Посмотримъ теперь, какія обязанности несетъ джетакъ за свое право существованія на казачьихъ задворкахъ. Онъ исполняетъ всѣ черныя работы по дому казака—хозяина, получая за свой трудъ отъ 5 до 10 руб. въ зиму, изъ которыхъ ему же еще приходится уплачивать по раскладкѣ поселковаго общества налогъ, доходящій въ нѣкоторыхъ поселкахъ до 2 съ лишнимъ рублей.... Что ждетъ всякаго, кто попадетъ въ подобныя безвыходныя условія? Отвѣтъ слишкомъ ясенъ».

Отвѣтъ, дѣйствительно, слишкомъ ясенъ, и мы могли бы, безъ всякаго сгущенія красокъ, привести, изъ личныхъ наблюденій, такія картинки быта джетаковъ, которыя показались бы прямо невѣроятными не знающему человѣку.... Въ сущности, казачье хозяйство въ значительной степени держится трудомъ джетаковъ. Тѣ же киргизы арендуютъ свободныя казачьи земли и условія аренды, изъ года въ годъ, становятся все тяжелѣе.

Немногимъ лучше положеніе джетаковъ, бѣжавшихъ въ города. Правда, съ теченіемъ времени единицамъ удастся здѣсь выбиться изъ своего тяжелаго положенія и попасть даже въ число очень богатыхъ людей, но это, разумѣется, ни сколько не вліяетъ на характеръ джетачества, какъ цѣлаго явленія.

Подобное печальное явленіе не могло, конечно, не обратить на себя вниманія мѣстной администраціи, и вопросъ о положеніи джетаковъ неоднократно обсуждался въ надлежащихъ учрежденіяхъ. По очень приблизительнымъ и наскоро собраннымъ даннымъ оказалось, что въ 1888 году при городахъ и казачьихъ поселкахъ Семипалатинской области постоянно проживало не менѣе 10 тыс. джетаковъ, не считая тѣхъ, которые разбѣяны по остальнымъ поселеніямъ и въ самой степи. Несомнѣнно, что число это было гораздо менѣе дѣйствительнаго и что къ настоящему времени оно, во всякомъ случаѣ, значительно увеличилось. Наплывъ джетаковъ въ казачьи селенія былъ иногда такъ великъ, что казаки неоднократно подавали просьбы о выселеніи изъ ихъ станицъ излишняго числа джетаковъ. Сколько намъ извѣстно, ни къ какимъ положительнымъ заключеніямъ администрація не пришла и вопросъ о джетацествѣ до сихъ поръ остается открытымъ; были отклонены лишь всѣ предложенія о принудительномъ выселеніи джетаковъ изъ осѣдлыхъ пунктовъ обратно въ степь.

Число джетаковъ съ каждымъ годомъ растетъ и этотъ ростъ, при настоящихъ условіяхъ, неизбѣженъ. Указанные выше факторы, дѣйствующіе разлагающимъ образомъ на строй киргизской жизни и выбрасывающіе, въ концѣ концовъ, за ея бортъ массу экономически безправныхъ джетаковъ, — не только не прекратили своего дѣйствія, но къ нимъ надо еще присоединить новый факторъ, сила котораго все будетъ увеличиваться — это отрѣзка у киргизъ лучшихъ земель для водворенія въ области крестьянъ переселенцевъ изъ Европейской Россіи (*). Опытъ сосѣдней съ Семипалатинской областью — Акмолинской — показываетъ, что разъ начавшееся переселенческое движеніе остановить крайне трудно и что даже при охранѣ киргизъ со стороны администраціи переселенцы, шагъ за шагомъ, оттѣсняли киргизъ и, тѣми или иными путями, завладѣвали ихъ землей (**). Тоже имѣло мѣсто, хотя далеко не

(*) Переселенческое движеніе въ Семипалатинскую область началось съ 90-хъ годовъ. Къ 1 Января 1897 года всѣхъ переселенческихъ поселковъ было 12.

(**) См. статьи о переселенческомъ движеніи въ Акмолинскую область г.г. С. Ф. (въ Рус. Бог. за 1894 г.) и Остафьева (въ запискахъ Зап. Сиб. Отдѣла Геогр. О-ва, кн. XVIII, в. 2). О томъ же есть очень интересна записка быв. Акмолинскаго губернатора Ливенцова.

въ такихъ размѣрахъ, и въ Семипалатинской области, и администраціи приходилось иногда прибѣгать къ очень рѣшительнымъ мѣрамъ для защиты киргизъ отъ самовольнаго захвата ихъ земельныхъ участковъ переселенцами. Но и одно официально разрѣшенное водвореніе въ краѣ переселенцевъ, какъ бы оно ни было урегулировано, не можетъ, при всѣхъ благихъ пожеланіяхъ противнаго, не отразиться на положеніи кочевниковъ.

III.

Наглядной иллюстраціей глубокихъ перемѣнъ, происходящихъ, мало по малу, въ жизни киргизъ служатъ, съ одной стороны, изъ году въ годъ констатируемый упадокъ киргизскаго скотоводства, а съ другой—параллельное усиленіе среди кочевниковъ хлѣбопашества. При этомъ необходимо замѣтить, что падаетъ, главнымъ образомъ, овцеводство—этотъ неизмѣнный спутникъ кочевого быта въ среднеазиатскихъ степяхъ, число же рогатаго скота, если и уменьшается, то въ гораздо болѣе слабой степени. Это тоже характерный признакъ. Объяснять этотъ упадокъ скотоводства ежегодной гибелью скота отъ гололедицы, бурановъ, хищныхъ звѣрей, эпизоотій и т. п., разумѣется, нельзя. Это причины не временныя, а постоянныя, дѣйствовавшія и тогда, когда киргизское скотоводство процвѣтало, при чемъ даже дѣйствіе нѣкоторыхъ изъ нихъ (если только не всѣхъ) становится, благодаря принимаемымъ мѣрамъ, менѣе сильнымъ, чѣмъ раньше. Упадокъ киргизскаго скотоводства (а о немъ настойчиво говоритъ не одна официальная статистика, но и всѣ изслѣдователи) не есть слѣдствіе только что указанныхъ, правда, очень неблагоприятныхъ явленій; онъ есть лишь неизбѣжный показатель ломки киргизскаго быта и никакія паліативныя мѣры не спасутъ этого скотоводства, если кочевой строй жизни будетъ обреченъ на гибель*).

*) Упадокъ кочевого скотоводства не есть явленіе, присущее одной только Семипалатинской области, но наблюдается и въ другихъ мѣстностяхъ, занятыхъ киргизами. По даннымъ обзоровъ Семипалатинской области, у кочевниковъ было скота: въ 1884 году — 3062624 гол., въ 1888—2725295, 1893—2545095. Еще болѣе рѣзкій упадокъ киргизскаго скотоводства отмѣчаетъ г. Алекторовъ въ своихъ „Очеркъ Внутренней Киргизской Орды“ (Изв. Оренб. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ., 1893, в. II). По его вычисленіямъ, у киргизъ на вѣнной орды приходилось на одну душу головъ скота: въ 1835 г.

Наоборотъ, земледѣліе начинаетъ играть у кочевниковъ все большую и большую роль, заставляя скотоводство мѣстами отступать на второй планъ. Такъ, по свѣдѣніямъ Семипалатинскаго Областного Статистическаго Комитета, киргизами было посѣяно:

		въ 1885 г.	въ 1895 г.
пшеницы	—	7315 четв.	18886 четв.
овса	—	5108 „	9790 „
ржи	—	120 „	357 „

т. е., какъ видно изъ этихъ данныхъ, посѣвъ хлѣба у киргизъ за 10 лѣтъ увеличился почти въ три раза. Цифры эти, безъ сомнѣнія, гораздо ниже дѣйствительныхъ. При этомъ урожай у кочевниковъ, не смотря на примитивные приемы хлѣбопашества, почти всегда бываютъ выше, чѣмъ у крестьянъ—переселенцевъ. Этотъ странный, съ перваго взгляда, фактъ объясняется тѣмъ, что искусственное орошеніе полей гораздо чаще встрѣчается у киргизъ, чѣмъ у осѣдлыхъ жителей.

Въ виду важности вопроса, мы позволимъ себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе на киргизскомъ земледѣліи, чѣмъ это входило въ нашу задачу, тѣмъ болѣе, что намъ удалось собрать нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ земледѣліи, неимѣвшія еще мѣста въ печати*).

Хлѣбопашество среди киргизъ Семипалатинской области наиболѣе развито въ южныхъ уѣздахъ—Устькаменогорскомъ и Зайсанскомъ, въ Бельгагачской волости Семипалатинскаго уѣзда и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Каркаралинскаго—въ районахъ рѣкъ Токрау и Чу и на урочищѣ Бельгагачъ.

—15.з, въ 1840—11.з, 1852—10.з, 1888—6.з и въ 1892 г. около 4. Въ своей брошюрѣ („Краткій статист. очеркъ промышленности и торговли въ Акмолинской области за 1880—1894 г.г.“) тоже явленіе, на основаніи оффиціальныхъ данныхъ, мы констатировали и въ Акмолинской области. См. также указанная выше статьи гг. Шмидта и Остафьева. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ очень мало точныхъ данныхъ о распредѣленіи скота у кочевниковъ (см. напр. „Киргизскія степи“ г. В. Михайлова въ Зап. Зап. Сиб. Отд. Им. Рус. Геогр. Общ., кн. XV в. 3 и XVI в. 1), насколько можно судить по этимъ даннымъ, помноженія количества скота происходитъ его концентрація въ районахъ богатей.

*) Нижеприводимыя свѣдѣнія заимствованы изъ неопубликованныхъ отчетовъ Уѣздныхъ Начальниковъ, отчетовъ лицъ, наблюдавшихъ за перепишью кочевого населенія, и изъ данныхъ, полученныхъ нами отъ гг. Г. О. Кудрявцева, Н. Г. Третьякова и др. (путемъ разспросовъ). Всѣ эти свѣдѣнія проверены съ данными Обл. Стат. Комитета.

На Токрау киргизы давно уже занимаются земледѣліемъ и въ настоящее время оно, а не скотоводство, составляетъ ихъ главное занятіе. Рѣка Токрау довольно многоводна и изъ нея выведено много арыковъ для орошенія пашень. Хозяева этихъ арыковъ какъ зиму, такъ и лѣто живутъ около своихъ пашень, стада же, не особенно многочисленныя, отсылаютъ на джейляу (лѣтовка) съ бѣдными родственниками и работниками (при преобладаніи кочевого образа жизни бываетъ наоборотъ, т. е. работники остаются около пашень, а хозяева откочевываютъ на джейляу).

Урочище Бельгагачъ (въ Каркаралинскомъ уѣздѣ) составляетъ оброчную статью и дѣлится на четыре участка: Морожниковскій, Самаринскій, Каргалы и Каска-Булакъ. Первые три участка арендуются разными русскими мѣщанами, послѣдній занятъ сельскохозяйственной киргизской школой. Всѣ работы у арендаторовъ исполняются киргизами—джетаками, которые за это получаютъ право пользоваться сельско-хозяйственными орудіями своихъ хозяевъ на собственныхъ небольшихъ пашняхъ. Положеніе этихъ работниковъ крайне тяжелое и необезпеченное. Кромѣ того, на земляхъ, смежныхъ съ названными участками, въ урочищѣ Джангызъ-Карагай и на восточной сторонѣ Бельгагача, около старой пикетной дороги, также живутъ киргизы—джетаки и занимаются почти исключительно земледѣліемъ.

Наконецъ, по р. Чу, за недостаткомъ мѣстъ для корма скота, хлѣбонашество составляетъ почти единственное занятіе киргизъ и здѣсь они вполнѣ перешли къ осѣдлому быту.

Бельгагачская волость Семипалатинскаго уѣзда—одна изъ самыхъ интересныхъ для изученія киргизскаго быта. Прежде всего, живущіе здѣсь киргизы принадлежать къ выходцамъ изъ разныхъ волостей и даже уѣздовъ области, такъ что родовыя связи должны были совершенно перепутаться. Затѣмъ, своей земли у киргизъ въ этой волости нѣтъ—земли ея принадлежать Кабинету Его Величества. Значительная часть этихъ земель разбита на участки и въ такомъ видѣ едается въ аренду; часть еще не разбита и можетъ служить, за извѣстную плату, пастбищемъ для скота. Киргизы на Бельгагачѣ живутъ въ перемежку съ русскими и татарами и здѣсь можно почти рядомъ наблюдать чуть ли не

всѣ формы быта. Значительная часть киргизъ Бельгаечской волости вполнѣ перешла въ осѣдлое состояніе и если выставляются еще на лѣто, по старому обычаю, юрты, то не для кочевовъ, а около зимнихъ избушекъ, какъ болѣе удобное лѣтнее жилище. Работниками у арендаторовъ—русскихъ и татаръ (глав. обр. мѣщанъ г. Семипалатинска) также служатъ киргизы—джетаки.

Устькаменогорскій уѣздъ считается, вообще, самымъ удобнымъ въ области для занятія хлѣбопашествомъ: здѣсь расположена большая часть переселенческихъ участковъ (9 изъ 12) и здѣсь же, не считая Бельгаечской волости Семипалатинскаго уѣзда, находится центръ киргизскаго земледѣлія. Последнее наиболѣе развито въ волостяхъ Колбинской, Кулуджунской, Курчумской и Нарымской. Пашни расположены въ долинахъ, среди горъ и холмовъ, и орошаются при помощи арыковъ. Сѣется, главнымъ образомъ, пшеница, частью просо. Хлѣбъ имѣетъ хорошій сбытъ на прииски, скупаютъ и устькаменогорскіе купцы. Впрочемъ, и сами киргизы въ этой мѣстности питаются преимущественно хлѣбомъ, въ видѣ такъ наз. «кужи»^{*)}. Скотъ на лѣто угоняется въ горы, куда, въ свободное отъ земледѣльческихъ работъ время, перекочевываютъ и хозьева зимовокъ.

Въ Зайсанскомъ уѣздѣ земледѣліе у киргизъ особенно развито на границѣ съ Китаемъ, въ районѣ Чернаго Иртыша и его притоковъ (Кольджирская в.), а также въ волостяхъ, расположенныхъ вокругъ оз. Зайсана (Чоргинской, Базаровской, Майтерекской).

Мы перечислили выше только главные пункты, гдѣ развито киргизское земледѣліе; въ меньшей степени оно существуетъ и въ другихъ мѣстностяхъ области. Если не брать въ соображеніе Бельгаечскую волость, какъ находящуюся въ особыхъ условіяхъ, въ общемъ можно сказать, что земледѣліемъ занимаются и къ нему, по мѣрѣ силъ, стремятся киргизы—джетаки, т. е., какъ и слѣдовало ожидать, именно люди, выбитые изъ коленъ кочоннаго

^{*)} Поджариваютъ пшеницу, толкутъ въ ступкѣ, чтобы отбить шелуху, затѣмъ варятъ въ казанѣ, подбавивъ не много воды, молока и соли—получается что-то въ родѣ жидкой каши. Это „транъ-кужа“. Заквашенная кужа называется „ашыгалъ-кужа“, ее ѣдятъ холодную. Съ чаемъ ѣдятъ также поджаренную пшеницу, рѣже баурсаки (маленькіе шарики изъ тѣста, сваренные въ салѣ).

строю киргизской жизни. Богачи же предпочитают скотоводство и хлебопашествомъ занимаются лишь при исключительно благоприятныхъ условіяхъ и притомъ, главнымъ образомъ, не для себя, а для сбыта. Тѣ-же джетаки обрабатываютъ ихъ пашни*). Въ видѣ иллюстраціи мы приведемъ одинъ примѣръ. Недалеко отъ г. Каркаралинска, въ Кентскихъ горахъ, находится очень удобное для земледѣлія урочище Кызыль-Кентъ, почти цѣликомъ принадлежащее, по наслѣдству отъ богатыхъ и вліятельныхъ когда-то предковъ, султану Аппаю Джолдину. Теперь семья Джолдина обдѣлала, скота стало гораздо меньше, и онъ началъ сдавать свою землю въ аренду безземельнымъ киргизамъ Кентской волости. Всего на Кызыль-Кентѣ, не считая семьи Джолдина, проживаетъ до 30 кибитокъ. Арендной платы съ этихъ киргизъ Джолдинъ не получаетъ, но за то эти бѣдняки распахиваютъ ему даромъ до 70 десятинъ. Хлѣбъ имѣетъ прекрасный сбытъ въ г. Каркаралинскѣ.

IV.

Таково, въ общихъ чертахъ, современное экономическое положеніе киргизъ Семипалатинской области**). Отчужденіе, въ значительныхъ размѣрахъ, земли у кочевниковъ въ первую половину настоящаго столѣтія; внутреннія смуты въ періодъ завоеванія; введеніе Положенія 1868 года съ его ясной тенденціей измѣнить родовыя начала киргизскаго быта и рядъ административныхъ мѣръ въ томъ же направленіи; столкновеніе натурального хозяйства кочевниковъ съ хозяйствомъ, построеннымъ на иныхъ началахъ, и

*) Въ выдающейся по своей обстоятельности статьѣ „Очеркъ киргизской степи къ югу отъ Арало-Иртышскаго водораздѣла“ (Зап. З. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. О-ва, кн. XVI в. 2) г. Шмидтъ такими чертами описываетъ киргизское земледѣльческое хозяйство. „Всюду, гдѣ только мѣстность допускаетъ возможность искусственнаго орошенія, обдѣлывающіе киргизы, игинчи и джетаки, устраиваютъ свои поля и принимаютъ за земледѣльческую культуру. Обыкновенно эти бѣдняки являются батраками богатыхъ киргизъ, которые за трудъ снабжаютъ ихъ необходимыми примитивными орудіями, даютъ имъ въ пользованіе одного или нѣскольکو молодыхъ бычковъ или воловъ для обработки поля, развѣздовъ верхомъ и въ арбѣ, корову и нѣскольکو овецъ, затѣмъ отпускаютъ на постыть сѣмена, а для жилья старую, рваную и прокопченную юрту, словомъ даютъ всѣ самыя необходимыя средства для самостоятельной жизни вблизи воздѣланныхъ полей..... Такъ какъ игинчи получаютъ отъ урожая извѣстную долю, то они прямо заинтересованы въ достиженіи лучшихъ результатовъ, а посему обязанности свои они обыкновенно выполняютъ съ большою добросовѣстностью“.

**) На основаніи многихъ данныхъ, мы думаемъ, что положеніе киргизъ во многихъ другихъ мѣстностяхъ мало отличается отъ описываемаго.

вообще съ порядками другой культуры; наконецъ, водвореніе въ край переселенцевъ изъ Европейской Россіи—все эти факторы, переплетаясь другъ съ другомъ, повели, въ концѣ концовъ, къ разложенію киргизскаго строя жизни, къ образованію среди скотоводовъ—кочевниковъ значительнаго класса экономически неправыхъ джетаковъ, которые вынуждены или бѣжать изъ степи въ города и другія осѣдлыя селенія области, или перейти отъ скотоводства къ земледѣлію.

Прекратить дѣйствіе указанныхъ причинъ—т. е. издать новое Положеніе, строго проникнутое родовыми началами киргизской жизни; оградить степь отъ вторженія въ нее элементовъ чуждой культуры, остановивъ при этомъ и переселенческое движеніе въ край—конечно, невозможно, а потому нельзя остановить и начавшійся процессъ разложенія стараго строя киргизской жизни, какъ бы ни были тяжелы послѣдствія этого разложенія. Наоборотъ, все данныя говорятъ за то, что процессъ этотъ будетъ продолжаться и дальше все съ большею и большею силой...

Но если такъ, то нельзя ли изыскать такія мѣры, которыя не остановили бы (это невозможно), а хотя бы ускорили этотъ тяжелый во всѣхъ отношеніяхъ процессъ, направивъ, въ тоже время, его послѣдствія въ желательную сторону?

Прежде чѣмъ говорить о подобныхъ мѣрахъ, мы считаемъ необходимымъ посмотрѣть, не ищетъ ли ихъ самъ киргизскій народъ, не диктуетъ ли ему эти мѣры сама окружающая жизнь, и если да, то въ чемъ именно видятъ кочевники исходъ изъ своего тяжелаго современнаго положенія и насколько этотъ исходъ дѣйствительно согласуется съ интересами цѣлаго края.

Мы уже говорили объ успѣхахъ, какіе дѣлаетъ въ области киргизское земледѣліе. Мало по малу оно становится въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ главнымъ занятіемъ киргизъ и среди нихъ, подъ давленіемъ новыхъ условій жизни, начинается за послѣднее время возникать теченіе къ полному переходу въ осѣдлое состояніе. Мы имѣли возможность познакомиться съ дѣлами по поводу прошеній киргизъ объ отводѣ имъ земли для образованія осѣдлыхъ поселеній, и въ этихъ прошеніяхъ переходъ въ осѣдлое состояніе рисуется, какъ панацея рѣшительно отъ всѣхъ золъ и бѣдствій.

Разнообразные, на первый взгляд, мотивы ведутъ къ одному и тому же желанію, къ исканію одного и того же средства. Но главный мотивъ—это поземельные споры, осложненные борьбой между богатыми и бѣдняками. Въ виду крайней важности вопроса мы приведемъ нѣсколько характерныхъ примѣровъ, тѣмъ болѣе, что они прекрасно рисуютъ ослабленіе родовыхъ связей и страшную путаницу въ землепользованіи, передъ которой въ тупикъ становятся и сами киргизы. Такъ, киргизъ Маралдинской волости. Павлодарскаго уѣзда, Абенъ Бектасовъ, по довѣрію отъ 40 кибитковладѣльцевъ разныхъ (sic) волостей неоднократно обращался съ просьбой объ отводѣ его довѣрителямъ, для образованія осѣдлаго поселенія, урочища Сакъ-Чокча. Когда-то это урочище было общимъ джейляу (мѣстомъ для лѣтней пастбы скота), потомъ, въ виду удобныхъ условій, здѣсь появились зимовки и, когда стало тѣснѣе, болѣе богатые киргизы начали оттѣснять съ урочища поселившихся на немъ бѣдняковъ и пришельцевъ изъ другихъ волостей. У послѣднихъ не оказалось не только зимовокъ, но и джейляу, такъ что приходилось прибѣгать къ арендѣ. Еще характернѣе споръ объ урочищѣ Бильчиликъ-Усень въ Уланской волости Устькаменогорскаго уѣзда. На этомъ урочищѣ находились кое-гдѣ зимовки разныхъ бѣдняковъ и оно, какъ-будто бы свободное, было отдано въ пользованіе, по приговору съѣзда, вліятельнымъ и богатымъ киргизамъ того же старшинства. Не видя возможности выдти изъ своего затруднительнаго положенія, обиженная партія рѣшается просить объ отводѣ упомянутаго урочища опять таки—подъ осѣдлое поселеніе. Но и богачи не остались въ долгу и возбудили ходатайство о томъ же... Не находя свободной земли бѣдняки рѣшаются иногда селиться на чужой и затѣмъ просить разрѣшить имъ образовать на ней осѣдлое поселеніе. Такъ, десять кибитковладѣльцевъ 10-го старшинства Кызылъ-агаческой волости Павлодарскаго уѣзда, проживавшіе, за нимѣніемъ собственной земли, на юртовыхъ казачьихъ участкахъ, перешли самовольно на земли, занятыя кочевьями 8 и 9 ауловъ Теренгульской волости и стали просить объ отводѣ имъ занятой земли, ссылаясь на право своихъ дѣдовъ, на захватъ и проч. При этомъ, всѣ просьбы неизмѣнно сопровождаются жалобами на волостныхъ управи-

телей, на покровительство, оказываемое ими богатымъ киргизамъ и т. п.

Очень интересна исторія возникновенія перваго киргизскаго осѣдлаго поселенія въ области на урочищѣ Коруку-Чать, Арчалинской волости, Семипалатинскаго уѣзда. Здѣсь въ крупныхъ размѣрахъ шла борьба изъ за земли между богачами и бѣдняками, которые и вынуждены были, въ концѣ концовъ, въ числѣ 49-ти кибитковладѣльцевъ, просить объ образованіи изъ нихъ крестьянскаго селенія. Администрація признала возможнымъ уважить это ходатайство и, какъ только были сдѣланы соответствующія распоряженія, начинается цѣлый походъ богатыхъ и вліятельныхъ киргизъ противъ пожелавшихъ перейти въ крестьяне: уговоры, застрачиванія (напр. предстоящимъ будто бы крещеніемъ), ложные иски, неправильная раскладка податей и проч. и проч. были пущены въ ходъ и, вѣроятно, только безвыходность положенія бѣдняковъ, да содѣйствіе администраціи помогли имъ устоять въ этой борьбѣ. При отводѣ земли дѣйствительно оказалось, что всѣ лучшія мѣста были захвачены богатыми, бѣдняки же были крайне стѣснены.

Объ образованіи осѣдлаго поселенія просили и джетаги—земледѣльцы, проживающіе около Каркаралинскаго Бельгача (о нихъ сказано выше), но испугались, въ концѣ концовъ, величины крестьянскихъ сборовъ.

Не остается, конечно, безъ вліянія на подачу подобныхъ прошеній и отводъ земли подъ образованіе переселенческихъ участковъ, хотя мотивъ этотъ далеко не играетъ той роли, какъ можно было бы думать. Такъ, напр., боязнь этого отвода заставила киргизъ 6-го старшинства Аиртавской волости Устькаменогорскаго уѣзда просить объ отводѣ имъ самимъ, для образованія двухъ осѣдлыхъ поселеній, урочищъ Джартасъ, Кансаръ, Белькаинъ и др. Впрочемъ, и здѣсь играла роль не одна эта боязнь, но также и споры изъ за земли между бѣдными и болѣе состоятельными, которые протестовали противъ рѣшенія первыхъ. Отводъ не состоялся въ виду отказа киргизъ перейти исполнѣ въ положеніе крестьянъ, со всѣми ихъ повинностями, изъ которыхъ наиболѣе пугаетъ кочевниковъ воинская.

Иногда даже пустой слухъ о чемъ нибудь подобномъ вселенію русскихъ крестьянъ возбуждаетъ среди кочевниковъ рѣшимость перейти въ осѣдлое состояніе, которая тотчасъ же пропадаетъ, какъ только слухъ оказывается невѣрнымъ. Такіе случаи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были при проѣздѣ черезъ степи агронома г. Вернера съ спеціальной цѣлью осмотра земель, годныхъ для образованія переселенческихъ участковъ*).

Мы считаемъ излишнимъ загромождать наше изложеніе приведеніемъ дальнѣйшихъ примѣровъ: всѣ они имѣютъ, въ общемъ, одинъ и тотъ же характеръ. Поземельные споры, борьба богатыхъ и бѣдняковъ, боязнь отвода земель подъ переселенческіе участки — все начинаетъ побуждать киргизъ къ переходу въ осѣдлое состояніе. Сравнительно рѣже просятъ объ этомъ полные джетаки, но это конечно, объясняется невозможностью для нихъ, въ виду круглой нищеты, вести самостоятельное хозяйство. Значительная часть ихъ и теперь уже не кочуетъ, а живетъ въ городахъ и казачьихъ станицахъ, или на участкахъ своихъ болѣе состоятельныхъ сородичей, гдѣ они пахутъ имъ земли и исполняютъ всѣ другія работы. И намъ кажется, что отмѣченное теченіе среди киргизъ къ переходу въ осѣдлое состояніе и есть именно тотъ исходъ изъ ихъ тяжелаго современнаго положенія, который они нашли подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни.

V.

Отсюда, самъ собою, возникаетъ вопросъ, не настало ли время къ проведенію общей реформы, въ смыслѣ обязательнаго обращенія кочевниковъ области въ осѣдлое состояніе, а если нѣтъ, то, по крайней мѣрѣ, къ принятію мѣръ, которыя способствовали бы переходу ихъ въ это состояніе?

На первый вопросъ отвѣтъ долженъ быть данъ безусловно отрицательный.

Во первыхъ, разложеніе киргизскаго кочевого быта далеко еще не достигло той степени, когда можно было бы оправдать подоб-

*) Въ гораздо большихъ размѣрахъ стремленіе къ образованію осѣдлыхъ поселеній, съ отводомъ земли и пр., имѣло мѣсто въ Бельгагачской волости Семипалатинскаго уѣзда. Но тамъ это стремленіе было вызвано условіями, присущими только этой волости (см. выше), а потому мы и оставили его безъ разсмотрѣнія.

ное обязательное обращеніе. Какъ ни уменьшается постепенно киргизское скотоводство, оно всетаки до настоящаго времени продолжаетъ играть очень важную роль въ экономической жизни не только самихъ киргизъ, но и всей области. Главный предметъ мѣстной торговли—скоть и продукты скотоводства; они же являются и почти единственнымъ предметомъ мѣстной обрабатывающей промышленности. Большинство киргизъ—исконные кочевники—скотоводы и принудить ихъ перейти къ земледѣлію невозможно никакими искусственными мѣрами, пока къ этому ихъ не побудитъ непреодолимаѣя сила экономическихъ условій.

Во вторыхъ, почвенныя и климатическія условія области заставляютъ думать, что значительная часть Семипалатинской области долгое еще время будетъ находиться внѣ раіона земледѣльческой культуры. Климатъ въ области—чисто континентальный, съ рѣзкими переходами отъ тепла къ холоду, съ крайнимъ недостаткомъ влаги какъ въ видѣ дождя, такъ и въ видѣ снѣга. Почвенныя условія вполнѣ гармонируютъ съ климатическими, тоже отличаясь очень небольшимъ количествомъ какъ подпочвенной, такъ надпочвенной влаги, въ видѣ рѣкъ, ручьевъ и т. п. Нѣкоторыя мѣстности представляютъ собою, въ виду указанныхъ особенностей климата и почвы, почти настоящія пустыни, необитаемыя большую часть года даже привычными ко всякимъ лишениямъ киргизами. На сколько тяжелы въ настоящее время мѣстныя условія для осѣдлой земледѣльческой культуры, наглядно показываетъ примѣръ крестьянской колонизаціи края. Положеніе большей части переселенческихъ поселковъ, образовавшихся въ области въ 90-хъ годахъ, должно быть признано далеко еще не окрѣпшимъ. Какъ не разъ указывала мѣстная администрація, безъ устройства искусственнаго орошенія земледѣліе въ области всегда будетъ имѣть крайне неустойчивый характеръ. Напримѣръ, въ Зайсанскомъ уѣздѣ, гдѣ преобладаетъ лѣсовая почва, вы можете встрѣтить богатѣйшія пивы, дающія громадный урожай при поливѣ, и рядомъ выжженную солнцемъ пустыню, гдѣ едва находятъ себѣ кормъ непрехотливый киргизскій скоть. Конечно, устройство искусственнаго орошенія, въ широкихъ размѣрахъ, въ виду необходимости громадныхъ затратъ на него, есть дѣло бу-

дущаго, но и въ настоящее время должны быть постепенно принимаемы самыя серьезныя мѣры въ этомъ отношеніи, хотя бы въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ почва наиболѣе плодородна и гдѣ проведеніе арыковъ и устройство колодезевъ будетъ стоить не такъ дорого. Только при этомъ условіи и будетъ возможенъ внослѣдствіи поголовный переходъ кочевниковъ къ осѣдлой жизни, теперь же о немъ не можетъ быть и рѣчи.

Совершенно иной отвѣтъ долженъ быть данъ на второй изъ поставленныхъ нами вопросовъ. Рано или поздно, кочевой быть долженъ замѣниться осѣдлымъ и зашивать теперь его прорѣхи было бы болѣе чѣмъ бесполезно. Если дѣйствительно среди самихъ киргизъ, въ силу указанныхъ выше неустрашимыхъ причинъ, началось движеніе къ переходу въ осѣдлое состояніе, намъ не остается ничего другого дѣлать, какъ пойти на встрѣчу этому движенію, принять всѣ возможныя мѣры, которыя способствовали бы этому переходу. Но здѣсь возникаетъ самое серьезное требованіе, чтобы всѣ подобныя мѣры отнюдь не ухудшили (разумѣется, насколько это возможно) положенія тѣхъ киргизъ, которые не покинуть пока кочевого быта, не стѣсняли ихъ въ землепользованіи. Это вопросъ громадной важности, такъ какъ при неосмотрительной отрѣзкѣ лучшихъ земель подъ осѣдлыя поселенія, у кочевниковъ можетъ не остаться мѣстъ подъ зимовыя стойбища, гдѣ теперь зимой пасется ихъ скоть. Кочевники будутъ раззорены и непригодныя, при настоящихъ условіяхъ, для хлѣбонашества земли обратятся тогда дѣйствительно въ настоящія пустыни, такъ какъ эксплуатація ихъ скотоводами возможна лишь лѣтомъ, подъ условіемъ перекочевки на зиму въ болѣе удобныя мѣста. Киргизскій скоть пасется на подножномъ корму круглый годъ, отсюда и необходимость для кочевниковъ имѣть двоякаго рода пастбища—лѣтнія и зимнія. Всякое стѣсненіе въ этихъ пастбищахъ повлечетъ за собою уменьшеніе кочевого скотоводства и, при неограниченной отрѣзкѣ земель, будетъ созданъ въ степи такой пролетаріатъ, въ сравненіи съ которымъ современное джетачество ничего не значить...

Въ чемъ же должны состоять мѣры, способныя облегчить переходъ въ осѣдлое состояніе тѣмъ киргизамъ, которые такъ или иначе выбиты уже изъ строя кочевого быта и сами видятъ един-

ственный псходъ изъ своего тяжелаго положенія въ осѣдлой земледѣльческой культурѣ?

Временнымъ Положеніемъ 1868 г. объ устройствѣ управления въ степныхъ областяхъ, повидимому съ цѣлью облегчить для кочевниковъ перечисленіе въ осѣдлыя общества, было установлено правило (ст. 246), отмѣненное впоследствии Положеніемъ 25-го марта 1891 года, въ силу котораго киргизы, вступаящіе въ другія податныя состоянія, пользовались пятилѣтней льготой отъ податей и пожизненной свободой отъ рекрутства. Статья эта, сама по себѣ, не оказывала, да и не могла оказывать вліянія на переходъ кочевниковъ въ осѣдлое состояніе, такъ какъ упомянутой статьей не давалась, въ сущности, киргизу льгота, а напротивъ ограничивались его права: ст. 246 освобождала его отъ воинской повинности пожизненно, между тѣмъ какъ киргизы—кочевники, въ силу ст. 245 того же Положенія, освобождались отъ этой повинности совершенно, т. е. со всѣмъ своимъ потомствомъ. Такимъ образомъ, статья эта могла только не мѣшать—и то до извѣстной степени—переходу кочевниковъ въ осѣдлое состояніе, но никакъ не способствовать. Но, во всякомъ случаѣ, объ отмѣнѣ этой статьи можно только пожалѣть. Говоря выше о стремленіи киргизъ къ образованію осѣдлыхъ поселеній, мы указали, насколько этому стремленію мѣшаетъ боязнь кочевниковъ воинской повинности и крестьянскихъ сборовъ. Перейти въ осѣдлое состояніе стремятся преимущественно бѣдняки и не дать имъ, въ теченіи извѣстнаго времени, льготы отъ податей значить сразу и навсегда разорить вновь образовавшееся селеніе. Что касается воинской повинности, то намъ казалось бы возможнымъ сохранить полное освобожденіе отъ нея, т. е. съ потомствомъ, и для киргизъ, переходящихъ въ осѣдлое состояніе, до тѣхъ поръ, пока этотъ переходъ не совершится окончательно, когда перемѣна новаго образа жизни на старый сдѣлается немислима. Въмѣсто этого киргизъ, подлежащихъ отбыванію воинской повинности, можно было бы временно обложить какимъ нибудь небольшимъ сборомъ, предоставивъ на выборъ или платить его, или идти въ солдаты.

Вмѣсто отмѣченной ст. 246, въ Положеніи 25 марта 1891 г. заключаются другія постановленія, также имѣющія цѣлью содѣй-

ствовать развитію осѣдлости среди кочевниковъ*). Сюда именно относятся статьи 125 и 128 этого Положенія. Первой изъ упомянутыхъ статей предоставляется кочевникамъ право наследственнаго пользованія тѣми зимовыми стойбищами, въ предѣлахъ которыхъ заключаются воздѣлываемыя земли, а равно земли, занятыя постройками и насажденіями; въ ст. же 128 предусмѣтрѣнъ отводъ, по взаимному соглашенію обществъ, въ мѣстахъ удобныхъ, какъ на зимовкахъ, такъ и на лѣтовкахъ, особыхъ участковъ для хлѣбопашества, распределеніе которыхъ между отдѣльными лицами предоставлено ихъ соглашенію по обычаямъ.

Но всѣ указанныя постановленія Положеній 1868 и 1891 г.г. нисколько не касаются вопроса объ образованіи изъ киргизъ крестьянскихъ сельскихъ обществъ и тѣхъ льготъ, какія должны быть даны такимъ обществамъ при ихъ образованіи. Льготы эти, по нашему мнѣнію, должны быть слѣдующія:

1) Полное освобожденіе, съ потомствомъ, отъ отбыванія воинской повинности. Льгота эта, какъ мы сказали выше, должна существовать до окончательнаго обращенія кочевниковъ въ осѣдлое состояніе. Пожизненное же освобожденіе отъ воинской повинности осѣдлыхъ киргизъ, какъ это было установлено ст. 246 Временнаго Положенія 1868 года, является въ данномъ случаѣ не льготой, а ограниченіемъ правъ, такъ какъ кочевые киргизы совершенно освобождены отъ указанной повинности.

2) Освобожденіе отъ причитающихся казѣ всякаго рода сборовъ и арендныхъ платежей за отводимыя земли въ теченіи 5—10 лѣтъ.

3) Разсрочка состоящихъ на перечисляемыхъ въ осѣдлое состояніе киргизахъ, по прежнимъ обществамъ, недоимокъ въ казенныхъ и иныхъ сборахъ, на время не свыше 5 лѣтъ, сообразно съ платежными средствами перечисляемыхъ.

4) Распространеніе на нихъ всѣхъ правилъ о безвозмездномъ отпускѣ изъ казенныхъ дачъ лѣсного матеріала и о выдачѣ ссудъ на хозяйственное устройство, домообзаведеніе, посѣвъ и продовольствіе, какія установлены для переселяющихся въ степныя обла-

*) См. „Стенное Положеніе 25 марта 1891 года съ объясненіями по оффиціальнымъ источн. камъ“, изд. Зем. Отд. М. В. Д., стр. 98—99.

сти крестьянъ, съ присоединеніемъ, кромѣ того, есудъ на устройство арыковъ. Источникомъ для выдачи всѣхъ этихъ есудъ можетъ служить есудный киргизскій капиталъ. Распространеніе льготъ, установленныхъ для переселенцевъ, на киргизъ тѣмъ болѣе необходимо, что при переходѣ къ занятію земледѣліемъ они должны находиться въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ крестьяне переселенцы, у которыхъ, во первыхъ, имѣется, по большей части, кое-какой земледѣльческій инвентарь, а иногда хотя небольшіе запасы въ деньгахъ и т. п. и, во вторыхъ, имѣется гораздо большая опытность въ сельскомъ хозяйствѣ, чѣмъ у киргизъ, даже занимавшихся земледѣліемъ.

Разумѣется, въ видахъ развитія земледѣлія мало вызвать его къ жизни, а нуженъ еще цѣлый рядъ вспомогательныхъ мѣръ, въ родѣ устройства складовъ дешевыхъ земледѣльческихъ орудій, организаціи кредита, распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній и пр. и пр., но мы объ этомъ не считаемъ нужнымъ здѣсь говорить, такъ какъ всѣ подобныя мѣры должны касаться развитія въ краѣ земледѣлія вообще, а не исключительно у киргизъ.

Намъ остается только сказать нѣсколько словъ о величинѣ киргизскихъ надѣловъ. Конечно, можно было бы пожелать, чтобы размѣръ этихъ надѣловъ давалъ киргизамъ возможность, хотя бы на первыхъ порахъ, на ряду съ земледѣліемъ заниматься и скотоводствомъ на тѣхъ экстенсивныхъ началахъ, къ которымъ они привыкли. Но на практикѣ, по нашему мнѣнію, такой порядокъ вещей невозможенъ. Не говоря уже о томъ, что всякое увеличеніе киргизскихъ надѣловъ по сравненію съ отводимыми русскимъ крестьянамъ — переселенцамъ явилось бы грубой несправедливостью по отношенію къ послѣднимъ, самое количество свободныхъ, при настоящихъ условіяхъ, земель въ Семипалатинской области такъ, въ сущности, не велико, что волей неволей приходится предложить и для киргизскихъ надѣловъ ту норму, какая установлена для переселенцевъ (15 дес.).

И еще — небольшое замѣчаніе. Мы далеки отъ мысли о безошибочности всѣхъ деталей нашей замѣтки. Къ сожалѣнію, мы не

могли провѣрить на мѣстѣ весь печатный, писанный и полученный путемъ разспросовъ матеріалъ, какимъ мы пользовались при ея составленіи. Мы старались только дѣлать выводы безъ всякихъ натяжекъ, безъ всякой тенденціи въ ту или иную сторону. Пусть даже мы во многомъ ошибаемся, но, можетъ быть, наша замѣтка вызоветъ возраженія лучше насъ знающихъ дѣло людей и, хотя бы этимъ, поможетъ выясненію затронутого нами важнаго вопроса. А въ послѣднемъ, т. е. въ выясненіи истины, и есть то главное, къ чему, разумѣется, мы все стремимся.

Н. Коншинъ.

